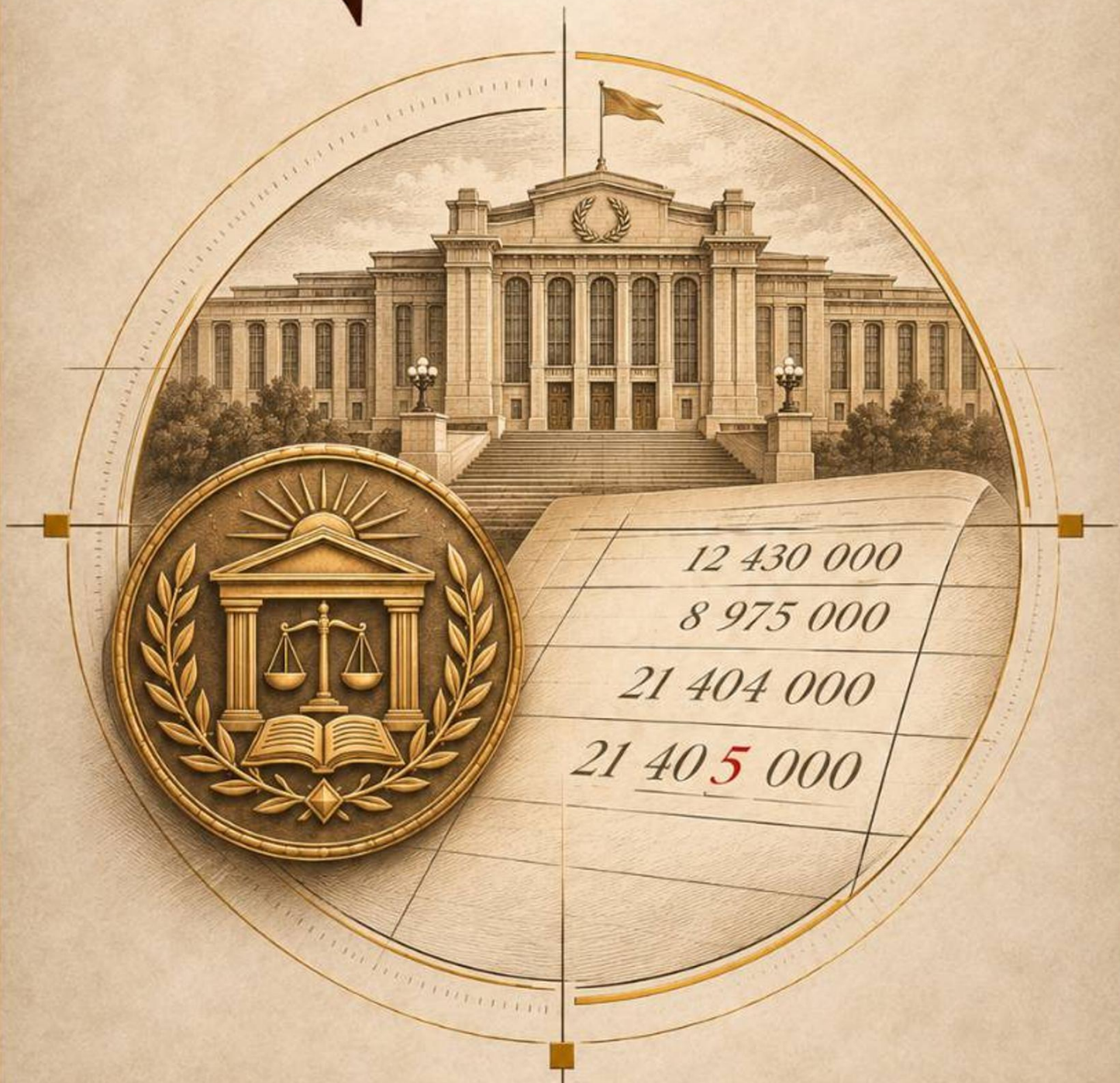
РЕСПУБЛИКА

НЕВЕРНАЯ ЦИФРА

Мокшин Михаил

Неверная цифра

«Автор»
2026

Михаил М. Ю.

Неверная цифра / М. Ю. Михаил — «Автор», 2026

Республика пережила революцию, преодолела старые привилегии, построила дороги, открыла школы и изменила судьбы миллионов. Её могущество выросло из порядка, знаний и веры в то, что любое решение должно иметь разумное основание.Но что произойдёт, если однажды разумные решения перестанут быть совместимыми?Служащий Государственного счёта Иосар Мер обнаруживает невозможное: один и тот же металл одновременно числится свободным и обеспечивает действующие обязательства. Оба реестра подлинные. За каждой записью – чьи-то распоряжения, интересы и решения, когда-то казавшиеся правильными.Тем временем в портах задерживается зерно, кредиторы требуют гарантий, военные ждут приказов, а борьба за влияние постепенно превращается в борьбу за будущее Республики.Здесь нет простого разделения на правых и виноватых. Есть власть, долг, выгода, убеждения и цена выбора.Можно ли сохранить великий порядок, если именно его достоинства постепенно становятся источником его слабости?

© Михаил М. Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Два реестра 5
Глава 2. Не внесено в опись 13
Глава 3. Закрытые трюмы 22
Глава 4. Цена молчания 34
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Мокшин Михаил
Неверная цифра

Глава 1. Два реестра

Данир Бел попросил Иосара Мера задержаться после службы, но не объяснил зачем. Сначала это показалось хорошим знаком. Когда в Государственном счёте начали гасить коридорные лампы, Иосар уже сомневался, что вечер закончится приятным разговором.

В половине шестого третий этаж ещё шумел. Хлопали двери, скребли ножки стульев, кто-то торопливо сдавал ключи. Из расчётного зала доносился сухой треск счётной машины. Потом люди потянулись к лестницам, шум ушёл вместе с ними, и здание стало стихать по этажам.

Иосар остался. Бел стоял у окна своего кабинета. За стеклом темнела площадь; в самом стекле отражались стол, шкаф и две серые папки с красными отметками допуска. На краю стола стояла чашка. Бел обычно выпивал чай раньше, чем тот успевал остыть.

– Домой торопитесь? – спросил он.

– Теперь уже нет.

Бел повернулся. Обычно этого хватало хотя бы на усмешку. Сегодня не хватило. Иосар расстегнул верхнюю пуговицу воротника.

– Что случилось?

– Пока ничего.

– Тогда зачем я здесь?

Бел указал на стул.

– Посмотрите одну сверку.

На столе лежали две папки, связанные тесёмками. Номер, ведомственная печать, уровень доступа. Ничего необычного. Так выглядели тысячи дел, в которых всё уже было решено до того, как их открывал следующий человек. Иосар не сел.

– Регистрация?

Бел посмотрел на него, потом нажал кнопку звонка. Через несколько минут вошёл дежурный секретарь с журналом. Записал время, номера дел и фамилии. Бел расписался первым. Иосар сел и только после этого взял перо.

– Вы когда-нибудь подпишете что-нибудь стоя? – спросил Бел.

– Если перестану отвечать за подпись.

– Значит, нескоро.

Секретарь проверил оттиски, положил журнал ближе. Иосар коснулся одной печати пальцем. Воск был холодный, края целые. Тесёмка не перетянута, следов повторного вскрытия нет. Бел дождался, пока секретарь заберёт журнал и дверь закроется.

– Теперь довольны?

– Теперь это хотя бы зарегистрировано.

Бел снова посмотрел на него, но ничего не сказал.

На площади закрывали газетную лавку. Телега с пустыми ящиками медленно пересекла мокрую мостовую. В чайной напротив зажглись лампы. Кто-то вышел из подъезда, поднял воротник от ветра и почти сразу затерялся в темноте. Где-то за крышами протяжно свистнул поезд. Обычный вечер. Иосар повернулся к Белу.

– Что сверяем?

– Государственный резерв и внешние обеспечения.

Иосар посмотрел внимательнее.

– Полностью?

– Нет. Начните с отмеченного.

– Причина?

– Я попросил.

– Это основание.

– Сегодня сойдёт за причину.

Вот теперь стало окончательно ясно, что дело не в повышении. А жаль. Решение тянулось второй месяц. Вместе с повышением появлялся наконец реальный шанс решить вопрос с квартирой. Лива утверждала, что им хватает и нынешней. Нова ничего не утверждала, но в двенадцать лет человеку уже полагалось иметь место, где можно закрыть дверь без семейного совета. Иосар не спорил с женой. Он просто иногда прикидывал разницу между нынешним жалованьем и тем, которое полагалось новой должности. До сегодняшнего вечера эти расчёты сходились значительно лучше тех, что лежали перед ним.

Иосар открыл первую папку.

– Вы хотите, чтобы я нашёл то, что уже нашли вы?

– Хочу, чтобы вы посмотрели сами.

– И если найду?

– Тогда поговорим.

– А если нет?

– Тоже поговорим.

Иосар придвинул лампу.

– Убедили.

Первая папка содержала свод Государственного резерва. Вторая – реестр обеспечений по внешним обязательствам. Сами документы были обычными. Необычным было то, что Бел положил их рядом. Один реестр отвечал на вопрос, чем государство располагает. Другой – какая часть этого имущества уже обеспечивает принятые обязательства.

Иосар проверил период. Последний закрытый квартал. Затем регистрацию, номера приложений и отметки о последних изменениях. Не потому, что ожидал ошибки именно там. Потому что начинать следовало с того, что можно проверить наверняка. Только после этого он перешёл к отмеченной строке.

Иосар нашёл партию расчётного металла. В строке были указаны хранилище, номера крайних слитков и вес. Государственные слитки нумеровались и несли печать Казначейства, поэтому, в отличие от многих строк государственного учёта, эту при необходимости можно было проверить руками. Последняя проверка – без замечаний. В графе ограничений на распоряжение стоял прочерк. Иосар ещё раз посмотрел на дату.

– Свободен, – сказал он.

Бел ничего не ответил. Иосар открыл вторую папку, нашёл нужный раздел и страницу. Прочитал строку. Потом ещё раз сверил номер партии. Тот же. Он положил реестры рядом.

– Здесь опечатка.

– Нет.

Ответ последовал слишком быстро. Значит, Бел начинал с того же.

– В старом договоре могли не заменить номер после переучёта.

– Проверяли.

– Частичная замена обеспечения?

– Нет.

– Перенумерация хранилища?

– Нет.

Иосар посмотрел на дату договора. Договор был старым: несколько продлений, несколько заменённых приложений. Такие дела редко сохраняли первоначальную простоту: менялся

срок, менялась сумма, имущество переводили из одного фонда в другой, обеспечение заменяли новым, а бумага ещё какое-то время жила старой жизнью. Он перелистнул страницу.

– Где прекращение обеспечения?

– Не нашли.

– Кто искал?

– Архив. Внешние расчёты. Мои люди.

– Первичный акт хранилища?

Бел подал ему лист. Иосар прочёл: фактическое наличие партии подтверждено, вес и номера крайних слитков совпадают, пломбы целы. Последняя выборочная проверка замечаний не выявила.

– Значит, металл есть.

– Есть.

– И по резерву им можно распоряжаться.

– Да.

– А по договору эта же партия всё ещё является обеспечением.

– Да.

Иосар ещё раз сопоставил номера крайних слитков, вес и дату последней проверки. Всё совпадало. Он привык сначала исключать собственную ошибку: это экономило время и избавляло от необходимости преждевременно объяснять чужую. Но собственной ошибки не было.

– Партию смотрели после вашего запроса?

– Сегодня.

Бел передал короткую справку. Никаких перемещений. Пломбы целы. Фактическое наличие подтверждено. Иосар не сразу положил справку на стол.

– Кто знает о запросе?

– Хранилище. Двое у меня.

– И теперь я.

– Теперь вы.

Иосар посмотрел на чашку возле руки Бела. Чай стоял нетронутым. На поверхности успела появиться тонкая плёнка.

– Вы думаете, записи кто-то исправит?

– Пока я думаю только о том, что они не сходятся.

Ответ был правильный. Именно поэтому Иосару он не понравился.

Он взял чистый лист и разделил его на четыре графы. Актив. Наличие. Распоряжение. Обязательство. Заполнил первую строку. Наличие – подтверждено. Распоряжение – свободно. Обязательство – действует. Он перечитал собственную запись. В четырёх графах помещалось всё, что они знали. И ничего из этого не объясняло остального.

Иосар отодвинул лист.

– Так не бывает.

– Поэтому вы здесь.

– Может быть переходное состояние.

– Одиннадцать лет?

Иосар поднял голову. Бел показал дату. Иосар пересчитал.

– Одиннадцать.

Он снова открыл договорное дело. Продление. Ещё продление. Изменение условий. Ссылка на распоряжение. Распоряжение существовало и ссылалось на инструкцию. Инструкцию нашли в соседнем деле. Иосар прочёл нужный пункт дважды.

– «При временном изменении формы учёта назначение фонда сохраняется до прекращения исходного обязательства либо его замещения в порядке, установленном приложением…»

Он перевернул лист.

– Приложение?

– Номер есть.

– Самого приложения нет.

– Нет.

– В деле инструкции?

– Нет.

– В архивной копии?

– Тоже нет.

Иосар нахмурился. Формулировка казалась знакомой. Подобные временные корректировки существовали не ради чьего-то удобства. Иногда груз уже ушёл, а окончательный акт ещё ехал с другой стороны страны. Иногда имущество передавали между фондами быстрее, чем успевали закрыться все счета. Иногда обеспечение заменяли частями. В сложном хозяйстве нельзя было свести всякую передачу к одному дню и одной строке. Для этого и существовал переходный порядок. Но временность должна была когда-нибудь закончиться.

– Кто определял порядок замещения?

– Это я и пытался установить.

Иосар снова прочитал пункт. Затем ссылку. Потом номер отсутствующего приложения.

– Значит, ищем, чем закончилось временное состояние.

Бел кивнул.

– Ищите.

– Вы уже искали?

– Искал.

– И?

Бел встал, открыл шкаф и достал небольшой металлический ключ с плоской биркой. Положил его между ними. Иосар посмотрел на номер.

– Закрытые основания?

– Да.

– Доступ временный?

– Да.

– Зарегистрирован?

Бел прикрыл глаза. Потом нажал звонок.

– Иногда, Мер, мне кажется, что если здание загорится, вы сначала потребуете расписку на ведро.

– Потом обязательно спросят, куда оно делось.

Пришёл секретарь. Снова журнал. Номер ключа. Секция. Время выдачи. Подпись Бела. Подпись Иосара. Иосар прочитал строку перед тем, как расписаться. Секретарь, судя по лицу, другого и не ожидал.

Когда дверь закрылась, Бел взял первую папку и постучал пальцем по отмеченной строке.

– Одна неверная цифра ещё ничего не доказывает.

– Здесь цифры верные.

– Тем хуже.

Иосар ждал. Бел посмотрел на два реестра.

– Система врёт не из-за одной неверной цифры. Она врёт, когда перестаёт замечать, что верные цифры не сходятся.

Иосар нахмурился.

– Если цифра неверна, а все её замечают, она долго не проживёт.

– Поэтому проверьте, сколько таких строк.

– Вы думаете, есть ещё?

– Я думаю, одной уже достаточно.

Бел надел пальто. Иосар посмотрел на него.

– Куда вы?

– Ещё одно дело.

– Вернётесь?

Бел взял перчатки.

– Постараюсь.

– Если закончу раньше?

– Дайте знать.

– Куда?

– В справочнике есть мой ведомственный телеграфный адрес.

– Коротко?

– Очень.

Бел задержался у двери ровно настолько, чтобы Иосар это заметил, но недостаточно, чтобы можно было спросить зачем. Потом дверь закрылась. Иосар остался один.

Вторую позицию он нашёл через двенадцать минут. Она была хуже первой только тем, что уже не была первой. Другая партия. Другое хранилище. Другой внешний договор. В резерве – свободна. В обеспечении – действует. Иосар проверил номера дважды и перенёс строку на отдельный лист.

Третью нашёл почти сразу после неё. Она объяснилась через четыре минуты: в соседнем томе лежал акт замещения, зарегистрированный на два дня позже основной записи. Иосар вычеркнул её. Четвёртая оказалась старой нумерацией хранилища. Тоже вычеркнул. Пятая осталась.

После пятой Иосар перестал считать совпадением само существование расхождений. Но считать их доказательством чего-либо тоже не собирался. Он запросил второй том закрытого свода.

К восьми часам Государственный счёт изменился. Днём коридоры принадлежали должностям. Начальники, инспекторы, секретари, курьеры, посетители – каждый двигался с собственной скоростью и считал её необходимой. Ночью оставались комнаты, бумага и дежурные. Государство после окончания рабочего дня занимало значительно меньше места.

Иосар перебрался в малую сверочную. Там был длинный стол, две лампы, шкаф для закрытых книг и окно во внутренний двор. От нижнего этажа тянуло угольным дымом и сырой шерстью – дежурные сушили у печи промокшие пальто. Он снял пиджак и разложил документы. Слева – резерв. Справа – обеспечения. Между ними – лист сверки.

Номер партии. Хранилище. Фактическое наличие. Основание свободного распоряжения. Основание обеспечения. Прекращение обязательства. Следующая строка. Потом ещё одна.

Постепенно стало ясно: первое расхождение не было исключением. Партии относились к разным годам; менялись договоры, хранилища и фамилии, но в основаниях снова встречалось временное изменение формы учёта. Иногда цепочка документов восстанавливалась полностью, иногда ссылка уводила в другое дело, а несколько раз – к приложению, которого не оказалось на месте.

Иосар не стал считать такие случаи одинаковыми. Отсутствующий лист ещё не доказывал отсутствующего основания. Плохо подшитое дело оставалось плохо подшитым делом, а не государственной тайной. Поэтому он начал с обратного. Убирал всё, что можно было объяснить без лишних предположений.

Одна позиция отпала после акта замещения. Другая оказалась ошибкой переписчика. Третья – старой нумерацией. В четвёртой вес не совпал на величину, которая объяснялась последующим переучётом партии. В пятой прекращение обязательства лежало не в договорном деле, а в переписке внешних расчётов. Иосар вычеркнул их двумя ровными линиями.

Так было лучше. Если из десяти подозрительных строк девять удавалось объяснить, оставшаяся становилась важнее, а не слабее. Остальные держались. Их было достаточно.

Иосар отложил карандаш и только тогда заметил часы. Лива уже наверняка поужинала. Нова либо закончила уроки, либо к этому часу убедительно доказала матери, что геометрия переживёт ещё одну ночь. Утром он обещал прийти вовремя. Несколько секунд Иосар смотрел на часы. Потом вернулся к бумагам.

Отец говорил, что железная дорога держится не только на паровозах. Кто-то должен точно записать, какой состав и куда ушёл. Сам отец всю жизнь считал чужие вагоны. Мать учила чужих детей. Иосар ушёл дальше: государственные экзамены, обучение, служба. Потом Бел заметил его в провинциальной ревизии и привёл в центральный аппарат. Иосар никогда не считал, что ему что-то подарили. Ему дали возможность учиться и работать. От него требовали делать работу правильно. Вполне честный обмен.

Он потянул к себе следующий том. Новая строка начиналась знакомо. Временное распоряжение. Продление. Ещё одно. Потом номер основания исчезал, а состояние актива сохранялось. Иосар проверил соседний лист. Потом предыдущий том. Вернулся к исходной записи.

Взял отдельный лист. Написал:

Почему запись действует после прекращения основания?

Ниже:

Если обеспечение сохраняется – на каком основании актив свободен?

Потом:

Если свободное распоряжение действительно – что теперь обеспечивает обязательство?

Три вопроса. Этого хватало. Он перечитал их и отправился в архив.

Дежурный архивист сидел за решётчатой дверью с газетой. Рядом лежала связка ключей и остывавшая кружка. Архив, по крайней мере, вёл себя как обычно.

– Опять вы.

– Ещё один том.

– Утром.

– Тогда я приду утром ещё раз.

Архивист посмотрел поверх газеты.

– Ключ.

Иосар показал бирку. Архивист сверил номер с журналом и поднялся.

– Бел выдал?

– Это записано.

– Просто спросил.

– Тогда да.

– Разговорчивый вы человек.

– По службе.

– А дома?

Иосар подумал.

– Там меньше журналов.

Архивист хмыкнул. Пока он искал нужный том, Иосар ещё раз посмотрел на три вопроса. Ни один не отвечал на вопрос, который Бел почему-то не задал вслух: сколько лет это продолжалось и кто всё это время считал положение нормальным. Иосар едва не записал это четвёртым вопросом, но остановился. Сначала факты.

Иосар расписался за новый том и вернулся в сверочную. На обратном пути поймал себя на том, что задача изменилась. В начале вечера он искал ошибочную запись. Теперь этого было мало. Каждая запись по отдельности выглядела достаточно правильной. Вот только вместе они описывали разные состояния одного и того же металла.

Он продолжил проверку. Одни позиции отпадали, другие оставались. Чтобы снять одну сомнительную строку, пришлось поднять три дела и найти нужную ссылку в приложении к четвёртому документу.

Строку он вычеркнул без сожаления. Ему не нужна была большая ошибка. Ему нужна была правильная сверка. После этого на листе всё равно остался столбец номеров.

Он перечитал первый пункт инструкции. «При временном изменении формы учёта назначение фонда сохраняется…» Ничего необычного в самой конструкции не было. Необычным было то, сколько лет она продолжала работать после исчезновения понятных ему оснований.

Он открыл одно из старых дел. Внизу стояла ссылка на приложение. Приложения не было. Во втором – то же. Не в каждом. Иногда приложение находилось именно там, где ему полагалось быть, и тогда вся цепочка сходилась от первого распоряжения до последней записи. Такие дела теперь почти радовали. Но достаточно часто приложение отсутствовало, а состояние актива продолжало жить так, будто документ существовал. Иосар перестал считать это случайностью.

Он вышел в коридор. Из комнаты дежурной связи доносился стук телеграфного аппарата. Кабинет Бела был закрыт. Иосар постучал. Без ответа. Он постучал ещё раз. Ничего. Бел мог быть на заседании, в другом корпусе, в архиве, в чужом кабинете. Начальники такого ранга могли исчезнуть на несколько часов, не исчезая при этом ни для кого важного. Иосар вернулся.

На телеграфном бланке написал:

Расхождение подтверждается по нескольким независимым позициям. Нужно говорить лично. И. Мер.

Прочитал. Слишком длинно. Взял другой.

Нужно говорить лично. И. Мер.

Так было лучше. Он нашёл в справочнике ведомственный адрес Бела и отнёс бланк дежурному телеграфисту.

– Срочное?

– Да.

– Ответ ждать?

– Да.

Телеграфист посмотрел на короткий текст, потом на Иосара, но спрашивать ничего не стал. Иосар вернулся к столу. Проверять дальше не хотелось. Он продолжил.

В следующем деле нашёлся акт замещения. Ещё две строки отпали. Иосар отметил это с удовлетворением: он искал не подтверждений догадки, а объяснения записям.

За двумя отброшенными строками обнаружились новые расхождения – из других лет, с подписями других людей и иными формулировками. Результат был один: металл существовал, один реестр разрешал считать его свободным, другой продолжал учитывать в действующем обеспечении.

Иосар поднялся, прошёлся до окна и сразу вернулся. Сел.

За дверью послышались шаги. Дежурный телеграфист протянул узкую ленту.

– Доставлено.

– Ответ?

– Нет.

Иосар посмотрел отметку времени.

– Адрес верный?

– Как в бланке.

Иосар всё равно достал справочник. Сверил. Буква к букве. Номер к номеру. Верно.

– Если ответят, сразу сюда.

Телеграфист кивнул и ушёл.

Иосар некоторое время смотрел на закрывшуюся дверь. Отсутствие ответа пока ничего не доказывало. Он вернулся к столу и снова открыл инструкцию: временное изменение формы учёта, ссылка на приложение, самого приложения нет.

Он взял чистый лист и начал сводить только подтверждённые позиции – без спорных, без неполных, без тех, где сохранялось разумное техническое объяснение. Получился список заметно короче первого. Но не короткий. Иосар прочитал его сверху вниз. Потом ещё раз.

Ошибки так не складывались.

Он посмотрел на исходную партию. В начале вечера всё казалось простым. Если два реестра противоречат друг другу, один из них ошибается. Теперь Иосар уже не был уверен, что проблема в ошибке. Возможно, оба реестра выполняли именно те правила, которые им когда-то дали.

От этой мысли легче не стало. Если ошибался человек, можно было найти человека. Если ошиблась запись – исправить запись. Если потерялось приложение – поднять архив и найти копию. Что делать, если каждый отдельно действовал правильно, а результат всё равно получился невозможным, Иосар пока не знал. Именно «пока» его и беспокоило.

Он отправил второе сообщение:

Подтвердите получение. И. Мер.

Прошло ещё около четверти часа. Ответа не было. Иосар снова подошёл к кабинету Бела. Постучал. Тишина. На этот раз он попробовал ручку. Заперто. Он задержал руку на металле, потом отпустил.

Бел мог вернуться через пять минут и спросить, почему Мер вместо работы ходит по коридорам и дёргает двери. Несколько часов назад Иосар нашёл бы такой исход наиболее вероятным. Теперь уже нет.

Он вернулся в сверочную. Листы лежали на столе. Слева – резерв. Справа – обеспечения. Между ними – подтверждённые расхождения. Он вспомнил слова Бела: «Система врёт не из-за одной неверной цифры». Тогда Иосар решил, что наставник говорит об обычной ошибке. Теперь перед ним лежал десяток правильно оформленных строк, противоречивших друг другу без единой опечатки.

В дверь постучали. Телеграфист. На этот раз без ленты.

– Второе доставили.

– Ответ?

– Нет.

– Ничего?

– Ничего.

Иосар взял копию бланка. Адрес оставался правильным; он дважды проверил его сам.

– Спасибо.

Когда дверь закрылась, он остался один. На улице прошёл поздний поезд. Стёкла едва заметно дрогнули, потом снова стало тихо.

Иосар начал собирать бумаги. Первый том. Второй. Обе папки. Инструкция. Листы сверки. Отдельно – список подтверждённых позиций. Он сложил всё в стопку и по привычке постучал ею о край стола.

Один лист остался выступать. Иосар поднял руку, чтобы поправить. Остановился. Оставил как есть.

Стопку он убрал в закрытый шкаф и повернул ключ. Проверил дверцу один раз, хотя обычно проверял дважды. Потом взял временный ключ, служебный пропуск и вышел искать Данира Бела.

Глава 2. Не внесено в опись

Набар Вал толкнул боковую дверь Управления V без четверти десять. Дверь открылась, хотя запирать её полагалось в девять. За столом сидел дежурный в серой форменной рубахе. Перед ним стояли жестяная кружка и раскрытая газета. Услышав шаги, он поднялся и потянулся к журналу, но, узнав Набара, убрал руку.

– Вас ждут наверху.

Набар достал удостоверение. Дежурный сказал, что знает его в лицо, но удостоверение всё-таки взял, проверил номер и вернул. К журналу больше не притронулся. Набар посмотрел на раскрытую страницу. Последняя запись была сделана почти час назад. После неё оставалось три пустые строки и короткая черта поперёк листа – обычная отметка конца смены.

– Новая смена журнал не ведёт?

Дежурный тоже посмотрел на страницу.

– Велели пропускать без записи.

– Кто велел?

– Начальник смены.

Ответ был достаточно конкретным, чтобы больше не спрашивать здесь. Набар застегнул пальто и пошёл к лестнице.

Во внутренние операции брали не всех. Последние два года его охотно ставили туда, где требовались хорошая память, терпение и человек, способный три часа слушать ложь, не повышая голоса. Это было полезно, иногда интересно и почти никогда не означало, что ему доверяют что-либо важное. Ночной вызов сначала показался хорошей новостью.

На первом пролёте горели все лампы, на втором – через одну. Обычно после девяти Управление экономило электричество так же строго, как прочие учреждения Республики: пустой коридор не считался основанием для расхода. Сегодня третий этаж светился почти полностью.

Набар автоматически отметил лестницу во двор, две открытые двери и запасной выход в конце галереи. Последний был опечатан. Он не помнил, когда начал считать выходы. Вероятно, тогда же, когда перестал садиться спиной к двери. Обе привычки давно перестали приносить заметную пользу и потому стали особенно надёжными.

В комнате для совещаний его ждали трое: начальник группы и двое сотрудников оперативного отдела. Начальника Набар знал по совместной проверке на северной железной дороге. Тогда тот три дня заставлял станционного управляющего объяснять исчезновение двадцати семи вагонов, пока не выяснилось, что вагоны стояли на соседней ветке и исчезли только из отчётности. После проверки наказали не управляющего, а человека, изменившего форму сводки. Набар это запомнил.

На столе лежал один лист.

– Закройте дверь.

Набар закрыл и сел.

– Через десять минут выезжаем в Государственный счёт. Кабинет Данира Бела. Нужно изъять несколько закрытых дел до утреннего заседания.

Начальник подвинул бумагу. Набар прочитал её один раз, потом ещё раз медленнее. Фамилия, должность, номера нескольких материалов, основание – проверка сохранности документов особого учёта. Срок – немедленно.

Подписи, дававшей право на изъятие, не было. Набар перевернул лист. Оборот оказался чистым.

– Где санкция?

– Оформляется.

– Когда будет?

– Утром.

– Утром материалы уже будут изъяты.

Один из сотрудников пошевелился у окна. Начальник остался неподвижен.

– Решение принято. Бумага задержалась.

– Без подписи мы можем проверить сохранность. Забрать дела – нет.

– Я отвечаю за приказ.

Набар ещё раз посмотрел на документ. Он знал, что подобные вещи случались. Решение принимали наверху, исполнитель получал его быстрее, чем секретари успевали протащить бумагу по нужным столам. Республика не управлялась бы и недели, если бы каждый срочный приказ ждал последнего оттиска. Обычно требуемая подпись хотя бы существовала где-то выше и двигалась следом за исполнением.

– Если Бел откажется?

– Объясним ему ситуацию.

– А если продолжит отказываться?

– Тогда решим на месте.

Набар кивнул. Вопрос был задан, ответ получен. Он не отвечал за уровень, на котором приняли решение, но отвечал за то, что сделает сам. Начальник забрал лист.

– Ещё что-нибудь?

– Чрезвычайного распоряжения нет?

– Нет.

Он помолчал, затем устало провёл большим пальцем по краю бумаги.

– Назначение выше формы. Если форма мешает выполнить назначение, сначала выполняют дело. Документы приведут в порядок утром.

Фраза прозвучала не как лозунг. Скорее как объяснение человеку, который слишком долго проверяет замок, пока остальные уже вошли. В этом была логика. Набар сам видел случаи, когда точное следование порядку означало лишь, что нужный груз приходил после того, как переставал быть нужным, а преступник узнавал о проверке раньше проверяющего. Процедура защищала государство от произвола, но государство существовало не ради процедуры.

– Понял.

Этого было достаточно, чтобы выполнить распоряжение. Во дворе ждала закрытая служебная карета. До Государственного счёта ехали меньше четверти часа. Внутри никто не разговаривал. Колёса били в стыки мостовой, за занавесками проплывали редкие освещённые окна. У хлебной лавки стояли пустые ящики; возле ночной столовой двое грузчиков спорили с человеком в форменном пальто. На площади ещё горели окна чайной.

Набар думал уже не о санкции, а о предстоящей работе. Если Бел отдаст дела добровольно, всё займёт полчаса: номера, состояние печатей, опись, передача. Утром появится недостающая подпись, и сегодняшний вечер останется одной из тех неровностей, на которых держалось любое большое учреждение.

У бокового входа Государственного счёта их действительно ждал сотрудник внутренней охраны. Набар первым подал удостоверение. Охранник едва посмотрел на него и отступил от двери.

– Журнал, – сказал Набар.

Охранник нахмурился.

– Сегодня велено пропускать группу без регистрации.

– Кем?

– Начальником смены.

Набар посмотрел на руководителя группы.

– Запишемся.

– Вал, мы теряем время.

– Две минуты.

Регистрация никак не мешала назначению операции. Если потом потребуется объяснять присутствие группы, отсутствие записи создаст больше вопросов, чем сэкономленные сейчас минуты. Начальник, видимо, решил то же самое и коротко кивнул. Охранник достал журнал. Фамилии записали одну за другой. Набар сам назвал время: двадцать два семнадцать. Графу «цель посещения» начальник оставил пустой. Этого Набар оспаривать не стал.

Они поднялись на третий этаж. Днём коридоры Государственного счёта были забиты секретарями, курьерами, чиновниками ведомств и людьми, объяснявшими, почему им срочно нужно пройти туда, куда их не пускают. Ночью длинный коридор оказался почти пуст. Горело пять ламп, за одной дверью всё ещё сухо постукивала расчётная машина. У кабинета Бела сидел молодой дежурный секретарь.

– Он внутри? – спросил начальник группы.

– Да.

– Один?

Секретарь на мгновение задержался с ответом.

– Сейчас один.

Набар отметил паузу.

– Кто был до нас?

– Сотрудник Счёта.

– Кто?

– Иосар Мер.

Имя Набару ничего не сказало.

– Давно ушёл?

– Несколько часов назад. Бел потом выходил и вернулся.

Начальник уже открывал дверь. Набар ещё секунду смотрел на секретаря, но больше тот ничего не добавил.

Данир Бел стоял за столом. На нём ещё был служебный жилет, хотя ворот рубашки оказался расстёгнут. Стол выглядел так, будто работа закончилась внезапно: раскрытые бумаги, выдвинутый ящик, лампа почти у самого края. Человек, спокойно собирающийся домой, так кабинет не оставляет.

Удивления на лице Бела не было. Он посмотрел на вошедших и протянул руку.

– Удостоверения.

Начальник положил своё на стол. Бел прочитал.

– Основание.

Ему показали тот же лист. Бел даже не взял его в руки: наклонился, прочитал и сразу выпрямился.

– Где подпись?

Никто не ответил.

– Я спросил, где подпись.

– Оформляется.

– Тогда оформите и возвращайтесь.

– Материалы должны быть переданы сегодня.

– Кому?

– Управлению.

– На каком основании?

Начальник начал повторять формулировку о проверке сохранности. Бел оборвал его:

– Проверять сохранность можете. Изымать – нет.

Он посмотрел на Набара. Взгляд задержался чуть дольше, чем на остальных.

– Вы читали распоряжение?

– Читал.

– Подпись видели?

– Нет.

Один из сотрудников оперативного отдела повернул голову к Набару. Бел коротко кивнул.

– Тогда хотя бы не будем делать вид, что спорим о толковании.

Набару не понравилось, что Бел попытался поставить его на свою сторону.

– Я здесь для исполнения распоряжения, а не для его обсуждения.

– Тогда исполняйте ту часть, на которую у вас есть полномочия.

Начальник группы шагнул ближе к столу.

– Данир Бел, передайте материалы добровольно. Утром оформление будет завершено.

– Утром вы принесёте разрешение на то, что сделали ночью?

– Если понадобится.

– Понадобится.

Бел сел и положил обе ладони на стол.

– До этого документы остаются здесь.

Один из сотрудников направился к шкафу. Бел мгновенно поднялся.

– Не трогать.

Сотрудник остановился и посмотрел на начальника. Тот едва заметно качнул головой, и человек вернулся к двери. Набар оглядел кабинет. Два шкафа, высокий сейф, стол, боковая тумба с регистрационными книгами. На дальнем краю стола лежали несколько папок: две серые, коричневая и одна тёмно-красная, перетянутая чёрной тесёмкой. Номер на её корешке частично закрывала другая папка.

– Последний раз, – сказал начальник. – Передайте дела.

– Последний раз: представитель Совета либо надлежащее распоряжение.

Бел протянул руку к кнопке звонка и нажал. Ничего. Нажал ещё раз, уже сильнее. Посмотрел на кнопку, затем на вошедших. Набар тоже посмотрел.

– Внутренняя связь не работает?

– Сегодня отключена на этом участке, – ответил один из сотрудников.

– Почему?

– Не знаю.

Ответ мог быть правдой. В старых административных корпусах связь ломалась чаще, чем её ремонтировали. Бел обошёл стол.

– Тогда позову секретаря.

Сотрудник у двери преградил ему путь.

– Останьтесь в кабинете.

Бел остановился.

– Вы меня задерживаете?

Набар почувствовал, что именно сейчас должно прозвучать слово, которое определит происходящее. Задержание. Проверка. Чрезвычайная мера. Любое слово, после которого станет ясно, какие правила начали действовать вместо обычных.

Начальник сказал:

– До окончания проверки прошу не покидать кабинет.

– Просите?

Бел шагнул в сторону. Сотрудник сместился вместе с ним. Бел попробовал обойти его с другой стороны, но тот снова закрыл проход.

– Отойдите.

– Вернитесь к столу.

Бел двинулся вперёд. Сотрудник положил ладонь ему на грудь, и Бел резко сбил руку.

– Не трогайте меня.

Второй сотрудник подошёл от окна. Бел попытался пройти между ними. Первый схватил его за локоть, Бел вывернулся и зацепил край стола. Лампа качнулась; Набар успел придержать её за основание.

– Достаточно. Отпустите его.

Бел толкнул сотрудника плечом. Тот перехватил его уже двумя руками и прижал к столу. Всё произошло быстро и некрасиво, без того порядка, который обычно появлялся в служебных отчётах после подобных вещей.

Бел резко вдохнул.

Сопротивление сразу прекратилось. Сотрудник разжал руки, и Бел сделал шаг назад. Правая ладонь нашла край стола, соскользнула. Набар успел подхватить его под плечо.

– Стул.

Бел оказался тяжелее, чем выглядел. До стула его не донесли: ноги подогнулись, и Набар опустился вместе с ним на пол.

– Данир Бел. Вы меня слышите?

Бел дышал часто, короткими рывками. Глаза были открыты, но смотрел он куда-то мимо Набара.

– Врача.

Никто не двинулся. Набар поднял голову.

– Врача, быстро.

Один из сотрудников шагнул к двери, но начальник его остановил.

– Ведомственного.

Набар не сразу понял.

– Здесь лечебница в соседнем корпусе.

– Вызвать врача Управления.

– Он может не успеть.

– Ведомственного. Немедленно.

Сотрудник выбежал. Набар положил пальцы Белу на шею. Пульс показался очень быстрым, затем пропал. Набар переставил руку, не уверенный, что вообще делает это правильно.

Бел вдруг схватил его за рукав. Набар наклонился ближе.

Бел открыл рот, но не произнёс ничего. Только ещё раз попытался вдохнуть. Пальцы на рукаве медленно разжались.

– Бел?

Ответа не было. Кто-то за спиной тихо выругался.

На полу возле руки Бела лежал карандаш. Вероятно, упал со стола во время борьбы. Набар машинально поднял его и положил обратно, после чего несколько секунд смотрел на собственную руку. Он уже изменил положение предмета до официального осмотра. Мысль была нелепой и профессиональной настолько, что на мгновение вытеснила всё остальное.

Врач Управления прибыл через двенадцать минут. Набар засёк время. Пожилой сутулый человек с небольшим кожаным чемоданом опустился возле Бела, расстегнул ворот рубашки, долго слушал грудь, проверил глаза.

– Когда стало плохо?

– Около пятнадцати минут назад, – ответил Набар.

– Что происходило непосредственно перед этим?

Начальник сказал:

– Резкое ухудшение состояния.

Врач поднял голову.

– Я спросил, что происходило.

Набар ответил:

– Его удерживали. Было сопротивление. После этого он перестал нормально дышать.

Сотрудник у двери пошевелился, но ничего не сказал.

– Удары были?

– При падении мог удариться о стол. До этого я удара не видел.

– Раньше на сердце жаловался?

– Не знаю.

Начальник сказал:

– У него были проблемы.

Врач посмотрел на него.

– Какие?

Ответа не последовало.

Врач снова наклонился к Белу. Через минуту закрыл чемодан.

– Смерть наступила до моего прибытия. Предварительно – острое нарушение сердечной деятельности. Точную причину дам после осмотра.

– Это можно указать сейчас? – спросил начальник.

– Сейчас можно указать только то, что я сказал.

– В заключении.

Врач застегнул ремешок чемодана.

– В заключении будет то, что я установлю.

Набару понравился ответ. Не потому, что он не доверял начальнику группы. Просто врач делал ровно то, что должен был делать: не позволял чужой срочности стать своей.

Когда тело вынесли, начальник закрыл дверь кабинета и положил на стол чистый лист.

– Теперь нужно зафиксировать порядок событий.

– Сначала опись, – сказал Набар.

– Сначала определим, что именно произошло.

– Это уже произошло.

– Поэтому и определим формулировку сейчас, пока все здесь.

Набар посмотрел на него. Начальник говорил спокойно, подбирая слова: группа прибыла для проверки сохранности закрытых материалов; во время нахождения в кабинете Белу стало плохо; была вызвана медицинская помощь; после смерти помещение передано под охрану до прибытия комиссии. Набар выслушал до конца.

– Мы прибыли за изъятием.

– Изъятие не состоялось.

– Бел отказался передавать дела.

– Именно.

– После этого его не выпустили из кабинета.

Начальник помолчал.

– Если будет служебное разбирательство, каждый изложит свои действия отдельно. Сейчас мы оформляем состояние помещения и материалов.

– А конфликт?

– Его причина и связь со смертью пока не установлены. Вы хотите вписать в опись медицинское заключение раньше врача?

Набар посмотрел на чистый лист. Формально начальник был прав. Изъятие действительно не состоялось. Причину смерти врач не установил. Опись не была местом для показаний свидетелей. Набару не нравилось только то, насколько быстро после смерти Бела каждый факт нашёл свой отдельный документ и перестал соприкасаться с соседними. Но именно для этого документы и существовали.

– Хорошо. Опись.

Работа успокаивала. Название. Номер. Уровень допуска. Количество листов. Состояние печати. Подпись на внутреннем пакете. Всё то, что не требовало толкования. Набар диктовал, секретарь записывал. Первое дело, второе, третье. Два пакета. Журнал выдачи. Из сейфа достали ещё четыре папки. Один из сотрудников переносил их на отдельный стол, Набар проверял номер каждой.

Через некоторое время последовательность стала понятна. Несколько дел шли по одной серии, два относились к более старой, ещё три были приложениями к основным.

Набар посмотрел на дальний край стола. Серые папки лежали там же. Коричневая тоже.

Красной не было.

Он замолчал посреди номера.

– Что? – спросил секретарь.

– Продолжайте.

Набар проверил стол, затем шкаф. Присел перед нижней полкой, хотя уже видел, что там ничего нет. Под лампой осталась более светлая прямоугольная полоса. Это ничего не доказывало: бумаги на рабочем столе постоянно двигали.

Он восстановил момент входа. Бел за столом. Лампа у края. Две серые папки, коричневая. Дальше – красная, с чёрной тесёмкой.

Он её видел. В этом сомнений не было.

– Сколько единиц?

Секретарь пересчитал строки.

– Одиннадцать.

– Ещё раз.

Тот пересчитал и повторил число. Набар взял перечень, с которым они приехали. В нём значилось десять дел. Одиннадцатым был журнал выдачи. Красная папка могла вообще не входить в перечень.

Он проверил номера на корешках. Между двумя делами старой серии оказался разрыв. Это было уже существеннее, но и этого недостаточно.

– Кто подходил к столу после того, как Бел упал?

Оба сотрудника посмотрели на него.

– Я сразу пошёл за врачом, – сказал один.

– За врачом вы пошли позже. До этого где стояли?

– У двери.

Набар посмотрел на второго.

– А вы?

– Здесь.

– Где именно?

Тот нахмурился.

– Какая разница?

– Пока не знаю.

Начальник группы подошёл ближе.

– Что вы ищете?

– На столе было ещё одно дело. Красная обложка, чёрная тесёмка.

– Номер?

– Был закрыт другой папкой.

– Название?

– Не видел.

– В перечне оно есть?

– Не знаю.

Начальник посмотрел на стол, потом на шкаф.

– Уверены, что видели его после входа?

Набар подумал. Именно этот вопрос был важен.

– Да.

Кабинет обыскали ещё раз. Проверили сейф, шкафы, ящики стола, тумбу, книги, пространство между мебелью и стеной. Красной папки не нашли.

– Бел мог убрать её раньше, – сказал один из сотрудников.

– Я видел её при входе.

– Тогда могли переложить во время суматохи.

– Куда?

Ответа не было.

Начальник спросил:

– Она относилась к материалам из перечня?

– Не знаю.

– Значит, пока у нас есть только ваше наблюдение.

– Да.

– Хорошо. По нему разберёмся внутри. Сейчас записываем то, что фактически обнаружено и идентифицировано.

Набар снова посмотрел на пустое место на столе. В описи фиксировали только обнаруженные дела. Начальник не запретил говорить о папке, а предложил разобраться внутри Управления. Такой порядок выглядел разумным – если не задумываться, кому он был удобен.

Он не любил строить выводы из недостатка сведений. Для этого его и учили проверять сначала источник, потом факт и только после этого – человека.

– Продолжаем.

Секретарь снова взял перо. Опись закончили почти в полночь. Набар прочитал её полностью: одиннадцать единиц хранения, номера, состояние печатей, передача помещения под временную охрану. Ни слова о красной папке, потому что её не обнаружили. Ни слова о количестве материалов до начала проверки, потому что никто их заранее не пересчитывал.

Ни одного прямого ложного утверждения.

Начальник подписал первым, затем двое сотрудников. Последним лист оказался у Набара. Он перечитал его ещё раз.

Можно было сделать приписку:

«До начала описи наблюдалось дополнительное дело в красной обложке, местонахождение не установлено».

После этого пришлось бы объяснить, когда именно он его видел, кто находился рядом, почему помещение не было немедленно закрыто, кто имел доступ к столу и относилось ли дело вообще к сегодняшней проверке. Возможно, папка не входила в перечень. Возможно, её забрал секретарь до того, как началась опись. Возможно, существовало отдельное основание, которого Набар просто не знал. А если папка исчезла незаконно, Управление было первым местом, где это должны установить. В этом и состояло его назначение.

Набар поставил подпись. Чернила легли ровно.

Когда остальные закончили с печатями, он вышел в коридор. Умывальник находился возле лестницы, за тяжёлой дверью с облупившейся белой краской. Набар открыл воду и намылил руки. Смыл мыло, затем намылил ещё раз. На костяшке правой руки оставалась узкая тёмная полоска. Сначала он решил, что это чернила, и долго тёр её большим пальцем.

Полоска не исчезала.

Тогда Набар понял, что это кровь. Вероятно, Бел рассёк губу при падении или ударился о край стола. Набар не помнил. Он снова взял мыло.

Вода быстро становилась прозрачной. След на коже исчез ещё раньше, но Набар продолжал тереть руки, проходя большим пальцем между пальцами другой руки, затем меняя их местами. Наконец кожа начала белеть.

Он закрыл воду. Несколько секунд Набар стоял над раковиной. Потом вытер руки, аккуратно расправил влажное полотенце и сложил его на край.

Из коридора донёсся голос начальника:

– Вал.

– Иду.

Набар ещё раз посмотрел на чистые руки и вышел.

За его спиной продолжала капать вода.

Глава 3. Закрытые трюмы

Утром в гавани Сарена стояли три зерновых судна, которым ещё вчера надлежало начать разгрузку. Два принадлежали торговым домам Тиренской Лиги, третье пришло под флагом небольшого прибрежного государства, название которого Ител Сар каждый раз приходилось искать в справочнике.

Утонувшее судно хотя бы переставало требовать расходов. Эти же продолжали пожирать деньги: уголь, провизию, стоянку и плату людям, которым нечем заняться. Ител смотрела на неподвижные корабли и думала, что они, должно быть, собираются когда-нибудь наверстать упущенное плавание.

Ни одно не открыло трюмы. Ител наблюдала за ними из конторы у второго причала. Через грязноватое стекло были видны низкие корпуса, мачты, дымовые трубы и длинный ряд портовых кранов. Паровые машины работали на соседних причалах, где выгружали уголь и строительный лес. Над бухтой висел дым, смешиваясь с запахом соли, мокрого дерева и рыбы. Город просыпался с обычным шумом: гремели железные колёса грузовых телег, ругались извозчики, свистели маневровые паровозы.

На втором причале было тихо. Тишина обходилась дорого.

– Сколько? – спросила Ител.

Старший грузовой распорядитель, толстый человек с изуродованным ногтем на большом пальце, даже не стал уточнять вопрос.

– Если до полудня не дадут разгрузку, потеряем два состава.

– Не потеряем. Они уйдут пустыми.

– Это называется потеряем.

– Для железной дороги – нет. Там напишут, что составы использованы по назначению.

Распорядитель усмехнулся, но без удовольствия.

– Рабочие уже спрашивают, платить ли им за простой.

– А ты что ответил?

– Что жду распоряжения.

– Значит, теперь они знают, кого ненавидеть.

Ител закрыла книгу поступлений. Вчерашние цифры были хорошими. Позавчерашние – ещё лучше. Прибыль за прошлый месяц позволяла выкупить дополнительную долю в северных складах, а если удастся договориться с владельцем смежной пристани, можно будет наконец перестать пользоваться услугами людей, которым она платила за разрешение вести собственное дело. В этом заключалась одна из неприятных особенностей портовой торговли. Чем больше у человека становилось имущества, тем больше находилось желающих объяснить ему, почему оно не вполне его.

– Где капитан? – спросила она.

– У себя. Сказал, что до разговора с представителем Комиссии никого не примет.

– А представитель?

– Обещали к обеду.

– Тогда капитану придётся принять меня.

Она взяла со стола две связки ключей. Одну убрала в правый карман пальто, другую – во внутренний. Привычка возникла много лет назад, когда один слишком любознательный таможенник решил, что любой ключ открывает любую дверь, если достаточно настойчиво им пользоваться. У порога распорядитель окликнул её:

– Ител, а людей?

Она задержалась.

– Половину отправь на уголь. Вторую оставь до полудня. За ожидание заплатим.

– Из чьих денег?

– Из моих. Пока они у меня ещё есть.

Капитан Эссен оказался человеком сухим, аккуратным и совершенно не заинтересованным в обаянии своей собеседницы. Он встретил Ител в небольшой каюте, где пахло табаком, морской кожей и крепким чаем. Над столом висела карта побережья. Рядом с ней – пожелтевший рисунок женщины и двух мальчиков. На рисунке дети улыбались так старательно, что Ител невольно заподозрила художника в жестоком обращении с натурщиками.

– Я уже говорил с вашим портовым управлением, – сообщил капитан.

– Соболезную.

Он поднял глаза.

– Что?

– Ничего. Вы, должно быть, устали повторять одно и то же. Предлагаю сразу перейти к той части разговора, где мы оба хотим денег.

Капитан не улыбнулся. Ител решила, что он ей нравится. Люди, которые не улыбались на её шутки, обычно стоили дешевле в обслуживании: не приходилось оплачивать их дружбу. Эссен развернул перед ней бумагу с печатью иностранного торгового дома.

– Сведения о грузе у вас имеются?

– Девятьсот сорок тонн зерна. Ещё запасные части для насосов, инструмент и двенадцать ящиков медицинских принадлежностей по отдельным накладным.

– Девятьсот тридцать восемь тонн и шесть десятых. Часть груза потеряла вес при переходе.

– Значит, у вас хороший счетовод.

– У меня хороший судовой журнал.

– Тогда тем более не будем его портить. Почему не разгружаетесь?

Капитан подвинул бумагу ближе.

– Условия расчёта изменены.

Ител прочла текст. Он был составлен на торговом языке Лиги – языке, который в порту знали почти все, кто хотел заработать, и гораздо меньше тех, кто пытался с них что-нибудь взыскать. Письмо предписывало капитану не выдавать груз по государственному кредитному обязательству Республики до получения подтверждения обеспеченности платежа расчётным металлом.

– Когда пришло?

– Вчера вечером.

– Из торгового дома?

– Через его портового поверенного.

– Раньше вы принимали такие обязательства.

– Раньше их принимал мой торговый дом.

– И теперь не принимает?

– Теперь требует дополнительных гарантий.

Ител перечитала письмо. Формулировка была осторожной. Ни слова о неплатёжеспособности Республики, нарушениях договора или прекращении торговли. Просто изменён порядок выдачи груза. В бумагах иностранных домов умели писать неприятные вещи так, что потом было почти невозможно доказать, что тебя оскорбили.

– Государственный аккредитив действителен, – сказала она.

– Насколько мне известно.

– Банк Республики подтверждает платёж.

– Насколько мне известно.

– Тогда в чём проблема?

Капитан наконец посмотрел на неё с некоторым интересом.

– Если завтра ваш банк не заплатит, кому я предъявлю вашу уверенность?

– Мне.

– Вы готовы поручиться за весь груз?

– Нет, разумеется. Я ещё недостаточно глупа.

– Значит, мы понимаем друг друга.

Ител откинулась на спинку стула. У капитана были хорошие основания стоять на своём. При перевозке такого объёма зерна хозяин груза рисковал гораздо большими деньгами, чем стоила задержка судна на несколько дней. Если торговый дом уже сомневался в государственном кредите, капитан, выдавший груз без положенного обеспечения, мог вернуться домой нищим человеком. Ител такое положение прекрасно понимала. Она сама старалась никому не предоставлять возможность сделать её нищей одним росчерком пера.

– Вы хотя бы понимаете, что будет с зерном, если простоите здесь ещё неделю?

– Понимаю.

– Тогда почему не требуете решения?

– Я требую. У своего дома. У вашего порта. У торгового представителя. Пока все отвечают, что рассматривают вопрос.

– И вам этого достаточно?

– Нет. Но я не стану нарушать распоряжение владельца груза только потому, что береговые чиновники плохо справляются со своей работой.

Ител посмотрела в иллюминатор. На берегу между рядами пустых телег сидели грузчики. Один ел хлеб, другой спал, прикрыв лицо кепкой. Третий развлекался тем, что перебрасывал камень с ладони на ладонь. За ними стояли закрытые склады. Дальше, над кирпичными крышами портового квартала, поднималась высокая башня городской технической школы. Республика построила её лет двадцать назад, и по утрам колокол оттуда был слышен почти до внешнего рейда.

Когда Ител была маленькой, её мать говорила, что однажды девочки будут учиться там наравне с мальчиками и получать настоящую работу. Так и вышло. Теперь девочки могли учиться в технической школе, а их матери – платить налоги за гостиницы, в которых останавливались инженеры. Республика действительно умела менять жизнь людей. Просто иногда слишком медленно замечала, что жизнь уже изменилась.

– Отдельные накладные вы тоже не выдаёте? – спросила Ител.

Эссен коснулся письма.

– Ограничение относится к зерновой партии.

– А насосные части?

– По ним иное распоряжение. Возможно частное обеспечение.

– Чем?

– Товарным залогом. Если торговый дом сочтёт его достаточным.

– Кто уполномочен принимать решение?

– Поверенный дома в Сарене. Он уже здесь.

– Прекрасно. Позовите его.

Капитан медленно сложил письмо.

– Вы хотите выкупить часть груза?

– Нет. Хочу, чтобы хоть кто-нибудь в этом порту сегодня сделал то, за что ему платят.

Поверенный торгового дома оказался моложе капитана и гораздо охотнее соглашался с собеседником. Особенно когда собеседник говорил о деньгах. Он изучил документы Ител с той внимательностью, с какой осторожный человек осматривает мост перед тем, как пустить по нему чужую телегу.

– Складское свидетельство действующее, – сказал он.

– Конечно.

– Товар принадлежит вам?

– Мне принадлежит право распоряжения этой партией. Оно зарегистрировано.

– Металл уже заложен?

– Нет. Вот выписка об отсутствии обременений.

Поверенный поднял глаза.

– Вы предусмотрительная женщина.

– Иногда мне даже удаётся пережить последствия этой предусмотрительности.

Она предоставляла в обеспечение небольшую партию меди со своего склада. Не деньги и не государственный резерв, а вполне определённый товар: сорок восемь листов, проверенный вес, складской номер, две печати. Если грузополучатель не произведёт расчёт по отдельной поставке насосных частей, торговый дом получит право взыскания на этот металл. В обычные дни такая сделка была бы пустяком. Сегодня она стоила значительно дороже.

Поверенный потребовал дополнительную плату за риск. Ител назвала меньшую сумму. Он возмутился. Она предложила сократить срок обеспечения. Он сослался на внутренние правила. Она достала свидетельство о страховании товара и положила рядом с договором. Через четверть часа они сошлись. Капитан подписал разрешение на выдачу груза по отдельным накладным, поверенный приложил печать, Ител добавила собственную подпись и тут же попросила копии.

– Вы не доверяете нам? – спросил поверенный.

– Очень доверяю. Поэтому хочу сохранить память о нашей дружбе.

Когда она вышла на палубу, солнце уже поднялось над дымными крышами. Порт жил своей жизнью. Рабочие грузили уголь на соседний пароход. Откуда-то доносился стук молотов. На железнодорожной ветке медленно двигались платформы со строительным камнем. Всё было устроено разумно: корабли приходили, машины поднимали товар, поезда развозили его в глубину страны.

Только на втором причале всё ещё стояли пустые телеги. Ител спустилась на берег и передала распорядителю бумаги.

– Снимаем насосные части и остальное по этим накладным. С зерном ничего не трогать.

Он изучил разрешение.

– Всего-то?

– Всего-то.

– А зерно?

– Продолжит украшать гавань.

– Нам за это не заплатят.

– За насосы заплатят. И за работу людям тоже. Начинай.

Распорядитель ушёл отдавать команды. Через несколько минут у борта заскрипели блоки, и первая грузовая сетка поднялась над открытым малым люком. Рабочие принялись за дело с такой поспешностью, словно боялись, что кто-нибудь сейчас передумает.

Ител наблюдала за ними, прислонившись к деревянной стойке причального навеса. Малый груз давал прибыль. Немного, но достаточно, чтобы закрыть сегодняшний простой части команды. Кроме того, несколько мастерских наконец получат заказанные детали. Один насосный завод должен был запустить линию после ремонта, и за каждый день задержки его хозяин платил за аренду машин, которые ничего не производили.

Получалось, что она сделала хорошее дело. Эта мысль её насторожила. Ител давно заметила: когда человек слишком доволен собственной добротой, стоит проверить, сколько на ней заработано.

– Сар!

Она обернулась. К ней шёл низкий, широкоплечий мужчина в форме портового досмотрщика. Его лицо было красным от ветра, а усы выглядели так, будто каждое утро их пытались построить в два ровных ряда.

– Что у вас там? – спросил он, кивая на судно.

– Разгрузка.

– Вижу. Почему без общего разрешения?

– По отдельным накладным. Все документы здесь.

Досмотрщик изучил бумаги. Задержался на печати, потом на номере складского свидетельства.

– Вы обеспечили иностранный груз своим товаром?

– Да.

– Почему?

– Потому что вы его не обеспечили.

Он поморщился.

– Государственные решения принимаются не здесь.

– Знаю. Здесь мы обычно получаем их последствия.

Досмотрщик вернул бумаги.

– С зерном ничего не делать до особого распоряжения.

– Не собиралась.

– И не пытайтесь обойти порядок.

– Если бы мне платили за каждую попытку обойти порядок, я бы давно купила этот причал.

Он посмотрел на неё с некоторым неудовольствием.

– Вы ведь собирались его купить.

– Пока только пытаюсь. Цены растут.

Досмотрщик ушёл. Ител проводила его взглядом. Она знала этого человека несколько лет. Он брал деньги за ускоренный осмотр небольших партий, но крупные государственные грузы не трогал даже за очень хорошие суммы. Не из честности – из осторожности. У него было трое детей, дом в пригороде и начальник, который любил показывать собственную неподкупность на чужом примере. Такой человек был полезнее убеждённого взяточника. Он точно знал предел, за которым начинался риск. Ител тоже знала свои пределы. Во всяком случае, ей нравилось так думать.

К полудню стало ясно, что государственный представитель не появится. В конторе второго причала скопилось пять человек, каждый из которых хотел получить от Ител деньги или объяснение, почему не может их получить.

Старший грузовой распорядитель принёс ведомость расходов. Железнодорожный агент сообщил, что два состава уже отправлены на другие направления. Владелец угольной артели требовал оплатить задержку его телег, хотя уголь он так и не доставил. Портовый счетовод хотел знать, на какую статью относить простой рабочих. Последним пришёл человек от городской хлебной артели. Он был худой, с большими натруженными руками.

– Говорят, зерно есть, – сказал он.

– Есть.

– Почему не выгружают?

– Нет расчёта.

– Какого расчёта?

– За зерно.

Мужчина посмотрел на неё так, словно она нарочно произнесла несколько непонятных слов, чтобы не отвечать.

– У нас в пекарнях мука пока есть. Но мельницы уже спрашивают, когда придут новые поставки.

– Это зерно ещё не ваше.

– А чьё?

– Иностранного торгового дома.

– Но его заказала Республика.

– Заказала. Получить – другое дело.

– Нам сказали, что государство закупило достаточно.

– Возможно.

– Так почему же оно стоит?

Ител сдержала раздражение. Мужчина ничего не знал о торговых обязательствах, аккредитивах и обеспечении, но вопрос у него был правильный. Она сама целое утро занималась тем, чтобы найти на него ответ.

– Потому что продавец не уверен, что получит деньги, – сказала она. – Поэтому держит товар на судне.

– Значит, денег нет?

– Я этого не говорила.

– А что говорили?

– Что продавец больше не верит прежним гарантиям.

Мужчина долго молчал.

– Но хлеб-то у нас пока есть.

– Тогда пусть пекарни его пекут. И не прекращают.

Он ушёл, явно не удовлетворённый ответом. Ител посмотрела на расходную ведомость. На бумаге всё выглядело прилично. Частный груз выгружен. Склады работают. Договоры исполняются. Грузчики получают деньги. Порт ничего не нарушил. Иностранные суда остаются на месте по решению их владельцев. Если смотреть только на завершённые операции, день можно было считать успешным.

За окном продолжали стоять почти три тысячи тонн зерна.

Она взяла перо, собираясь внести отдельной строкой стоимость утраченных железнодорожных составов, и остановилась. Пока это была не её потеря. Когда-нибудь станет. В торговле чужой убыток редко оставался чужим надолго. Из конторы Ител отправилась в гостиницу матери.

Она находилась в четырёх кварталах от причалов, на узкой улице между рыбным рынком и старыми частными складами. Когда-то здесь селились иностранные моряки, не желавшие платить за комнаты в государственном портовом доме. Потом вокруг появились мастерские, лавки, трактиры. Республика проложила водопровод, замостила улицу и открыла начальную школу. В результате квартал стал дороже, а его жители – требовательнее. Мать Ител считала это справедливой платой за удобства. При этом ежегодно жаловалась на налоги.

Гостиница носила скромную вывеску «У причала», хотя до ближайшего причала нужно было идти минут пятнадцать. Отец Ител когда-то хотел назвать её «Большая гавань». Мать сказала, что люди, способные поверить такому названию, непременно попытаются не платить за ночлег. Внутри пахло жареным луком, влажной одеждой и дешёвым табаком. В столовой сидели несколько моряков, двое железнодорожников и какой-то человек в аккуратном сером пальто, читавший газету. Мать стояла за стойкой. Прежде чем заговорить с ней, Ител убрала вторую связку складских ключей в собственный запертый ящик.

– Рано, – сказала она, увидев дочь.

– Удивительно. Обычно ты жалуешься, что я прихожу поздно.

– Обычно ты приходишь есть.

– Сегодня пришла за деньгами.

– Тогда поздно.

Мать сунула ей небольшую записку.

– От сестры. Просила передать утром, но ты уже ушла.

Ител прочла несколько строк. Старшему племяннику требовались новые сапоги, младший опять порвал школьную сумку. У сестры задерживали выплату за работу в мастерской. Никакой катастрофы. Обычные семейные дела, которые почему-то всегда приходились на те дни, когда деньги начинали уходить быстрее, чем поступали.

– Я передам, – сказала Ител.

– Она не просит милостыню.

– Я знаю.

– Она работает.

– И это знаю.

Мать посмотрела на неё поверх очков.

– Тогда не говори с ней так, будто покупаешь её благодарность.

Ител сложила записку.

– Я вообще ничего не сказала.

– Ты умеешь и молча.

С этим было трудно спорить.

На стене столовой висел маленький портрет отца – единственное изображение, сохранившееся после пожара на старой пристани. Он стоял возле деревянного крана, засунув руки в карманы, и смотрел в сторону фотографа с таким выражением, будто тот задерживал разгрузку. Отец погиб, когда Ител была подростком. На пристани оборвался грузовой трос. Позднее владельцы объяснили, что рабочий нарушил порядок обращения с оборудованием. Ещё позднее выяснилось, что трос давно требовал замены, но в журнале проверок об этом не было ни слова.

Компенсацию семье назначили только после того, как мать отдала посреднику деньги, собранные на ремонт гостиницы. Ител тогда впервые поняла, что право и возможность воспользоваться правом – разные товары. Причём второй обычно продавался дороже.

– Сегодня будут гости? – спросила она.

– С иностранного судна обещали пятерых. Ещё двое спрашивали комнату до конца недели.

– Бери задаток.

– Они порядочные люди.

– Тем более. Порядочные люди любят рассчитываться вовремя.

Мать покачала головой.

– Ты всё считаешь.

– Кто-то должен.

– Когда-нибудь у тебя ничего не останется, кроме счетов.

– Тогда хотя бы буду знать, сколько именно потеряла.

Она поцеловала мать в щёку и вышла прежде, чем та нашла достойный ответ.

На улице ветер гнал по мостовой обрывки бумаги. Из школы доносились детские голоса. У сапожной лавки мальчишка в слишком больших ботинках пытался закрепить на телеге мешок угля. Ител задержалась на мгновение, глядя на него. Отец однажды сказал ей, что человек может заработать на жизнь руками, головой или чужими руками, но самый надёжный способ остаться без денег – не понимать, кому платишь. Она не сразу поняла, насколько полезным окажется этот совет. За спиной послышались шаги.

– Госпожа Сар?

Ител обернулась. Человек в сером пальто стоял в нескольких шагах. Тот самый, что читал газету в гостинице.

– Зависит от того, кому я должна.

– Вы не должны мне ничего.

– Тогда мы уже лучше знакомы, чем половина моих родственников.

Он не улыбнулся. Ител мысленно прибавила к сегодняшнему счёту ещё одного серьёзного человека.

– Мне поручено предложить вам работу, – сказал незнакомец.

– Все предложения через контору.

– Работа срочная.

– Срочность стоит дороже.

– Нас это устраивает.

Ител посмотрела на него внимательнее.

– Тогда начинайте с того, почему не пришли в контору.

– Мне рекомендовали поговорить с вами лично.

– Кто рекомендовал?

– Комиссия внешней торговли.

Это меняло дело. Не потому, что Ител особенно уважала Комиссию. Просто люди оттуда обычно предпочитали разговаривать через посредников, подписывать бумаги через секретарей и отвечать за последствия через подчинённых. Если один из них сам разыскивал её на улице, значит, кто-то наверху уже решил, что обычная процедура слишком медленна.

Или слишком заметна.

– Пойдёмте, – сказала она. – Здесь есть чайная.

– Разве нельзя поговорить здесь?

– Можно. Но на улице я беру плату за каждое слово.

Чайная была почти пуста. Ител заняла стол у боковой стены, откуда просматривались вход и окно во двор. Незнакомец сел напротив. Он не снял пальто и не заказал ничего, кроме горячей воды. Она попросила хороший листовой чай. Его принесли в дешёвой глиняной кружке с отколотым краем. Ител любила эту кружку: хозяйка чайной никогда не давала её другим посетителям, считая, что человек, способный заказывать дорогой чай в подобной посуде, либо очень богат, либо недостаточно опасен, чтобы его обманывать.

– Ваше имя? – спросила Ител.

– Для договора не потребуется.

– Значит, договор будет плохим.

Незнакомец вынул из внутреннего кармана сложенную бумагу. Не передал – положил перед собой.

– Нас интересует перевозка расчётного металла.

Ител отпила чай.

– Сколько?

– Достаточно для специального рейса.

– Это не мера веса.

– Вес будет указан в приложении.

– Куда?

– В пределах портового округа.

– Это не адрес.

Он помолчал.

– С государственного склада на внешний причал.

– Какой?

– Уточняется.

Ител поставила кружку.

– Я правильно понимаю, вы хотите, чтобы я организовала перевозку груза неизвестного веса из государственного хранилища в неизвестное место?

– Все необходимые документы будут предоставлены.

– Когда?

– До начала работ.

– Тогда приходите с ними.

Она уже собиралась встать, когда незнакомец произнёс:

– Сегодня ночью.

Ител осталась сидеть.

– Почему ночью?

– Причал свободен в указанное время.

– В порту свободны десятки причалов. Некоторые даже днём. Попробуйте удивить меня ещё раз.

– Груз должен быть доставлен до утреннего заседания Комиссии.

Вот это уже было интересно. Ител понимала, как перевозят металл. Опечатанные ящики, охрана, взвешивание, складские расписки, сверка печатей. Для государственного груза требовались разрешения, пропуска, подписи. Всё это можно было сделать быстро, если начальство действительно торопилось и было готово отвечать за последствия.

Но существовало одно неудобство.

Если государство хотело перевезти металл из одного своего склада на другой, у него были собственные люди, телеги, баржи, пристани и охрана. Частного посредника приглашали тогда, когда государство не могло воспользоваться своим обычным порядком.

– Это расчётный металл Государственного резерва? – спросила Ител.

– Груз находится в ведении уполномоченного хранилища.

– Великолепный ответ. Почти на любой вопрос подходит.

– Я могу предъявить полномочия.

– Не сомневаюсь. Мне нужны полномочия на конкретную перевозку, а не разрешение вам разговаривать о ней.

Незнакомец внимательно посмотрел на неё.

– Вы всегда так ведёте переговоры с представителями Комиссии?

– Нет. Иногда я ещё спрашиваю, кто оплатит ущерб, если у меня арестуют баржу.

Он наконец извлёк бумагу из-под руки и передал ей. Документ выглядел настоящим. Бланк Комиссии внешней торговли, служебный номер, отметка о закрытом порядке исполнения. Подпись чиновника достаточно высокого ранга, чтобы его распоряжения исполняли без лишних вопросов. И достаточно низкого, чтобы в случае неприятностей объяснить, будто он превысил полномочия.

Ител проверила печать. Затем прочла текст полностью. Разрешалось привлечь лицензированного портового посредника для срочного перемещения опечатанного груза между двумя объектами портового округа. Склад отправления указан. Порядок передачи – по акту. Ответственность перевозчика начиналась с момента получения груза и прекращалась после подтверждения приёмки.

Получатель в представленном экземпляре не был указан.

– Вы забыли адресата, – сказала Ител.

– Он будет внесён в окончательный документ.

– До погрузки.

– Разумеется.

– И ни одним движением пера позже.

Незнакомец кивнул. Она внимательно посмотрела на него. Он был слишком спокоен. Люди, действительно спешившие отправить груз, обычно проявляли раздражение при первых же препятствиях. Этот человек выслушивал все её требования без возражений. Либо он обла-

дал редким самообладанием, либо ещё не услышал ни одного требования, которое могло ему помешать.

– Почему не используете государственный транспорт? – спросила Ител.

– Он занят.

– Чем?

– Другими перевозками.

– Всем сразу?

– Вы можете отказаться.

– Могу. Но сначала хочу понять, от чего.

Он сложил руки на столе.

– Государственный порядок перевозки требует предварительного включения груза в общий план и согласования с портовым управлением. Нам необходимо обеспечить доставку раньше. У вас имеется лицензия на работу с закрытыми товарными партиями, собственные складские площади и договоры с несколькими пристанями. Вы способны выполнить перевозку независимо от очереди государственного перевозчика.

– Теперь звучит разумно.

– Значит, вы согласны?

– Я сказала, что звучит разумно. За согласие придётся заплатить отдельно.

Она взяла чистый лист и начала считать. Для срочной перевозки понадобятся охраняемая баржа, два экипажа, грузчики, портовый проводник, место на причале, сторожевая смена и запас времени на проверку печатей. К этому следовало прибавить стоимость простоя собственного склада, который придётся освободить, если металл не примут сразу. И ещё риск. Последний плохо поддавался точному расчёту, зато хорошо оплачивался людьми, которые сами его создавали.

Ител назвала сумму, вдвое превышавшую обычный тариф. Незнакомец согласился сразу. Она помолчала.

– Вы даже не собираетесь торговаться?

– Времени нет.

– Для такой суммы обычно находится.

– Комиссия считает её приемлемой.

Ител медленно сложила расчёт. Она ожидала возражений. Требования подтвердить расходы, снизить ставку, отказаться от платы за ожидание. Возможно, угрозы обратиться к другому посреднику. Всё это было частью обычного торга. Мгновенное согласие означало одно из двух: незнакомец не понимал цены сделки либо её истинная стоимость была значительно выше названной. Судя по документам, первое можно было исключить.

– Тройной тариф, – сказала она.

Он впервые изменился в лице.

– Вы только что назвали двойной.

– И узнала кое-что новое.

– Мы договорились.

– Нет. Вы согласились. Это ещё не договор.

Незнакомец смотрел на неё несколько секунд.

– Вы пользуетесь обстоятельствами.

– Именно за это вы ко мне и пришли.

– Тройной тариф Комиссия не утвердит.

– Тогда двойной. Но с предварительной оплатой и отдельным письменным подтверждением ответственности отправителя за законность распоряжения грузом. Я отвечаю за сохранность перевозки, а не за то, имели ли вы право выдавать мне металл.

Он отвёл взгляд к окну. Это была первая настоящая пауза за весь разговор. Ител поняла, что наконец дошла до важного.

– Полномочия на передачу есть? – спросила она.

– Есть полномочия на перемещение.

– Не одно и то же.

– Вам требуется перевезти груз, а не распоряжаться им.

– Совершенно верно. Поэтому я не стану подписывать бумагу, из которой завтра выяснится, что именно я передала государственное имущество неизвестному лицу.

Незнакомец достал из кармана небольшой блокнот, сделал несколько записей и снова убрал его.

– Ваши условия будут включены в поручение.

– Все?

– В части ответственности отправителя и получателя.

– И оплаты.

– И оплаты.

Ител кивнула. Теперь можно было вести разговор.

– Вес и число мест сообщите до вечера. Упаковка должна быть пригодна для перегрузки обычными портовыми средствами. Если на складе окажется, что ящики невозможно безопасно поднять или сверить, время ожидания оплачивается отдельно. Приёмка производится по внешним признакам, весу и целости печатей. Содержимое я не удостоверяю.

– Понимаю.

– Охрана ваша или моя?

– Сопровождение Комиссии.

– Тогда командование охраной не вмешивается в работу грузчиков. Иначе получите десять вооружённых людей вокруг ящика, который никто не решится поднять.

– Согласен.

Она сделала ещё несколько пометок.

– И последнее. Никакого груза без указанного получателя и подтверждения права его принять.

– Это условие может задержать операцию.

– Значит, оформите бумаги раньше.

Незнакомец вздохнул.

– Вы понимаете, насколько важна эта перевозка?

Ител посмотрела на него.

– Если бы понимала, запросила бы больше.

Он не ответил.

Они расстались через полчаса. Ител отправила человека в контору с поручением подготовить договор, проверить свободные баржи и выяснить, какой причал можно получить без вмешательства портового управления. Затем вернулась к гостинице матери за второй связкой складских ключей, которую оставила днём в собственном запертом ящике. Мать сидела за стойкой и считала выручку.

– Опять работаешь? – спросила она.

– Ещё не закончила.

– Ты никогда не заканчиваешь.

– Однажды закончу.

– Когда умру?

– Раньше, если повезёт.

Мать недовольно посмотрела на неё. Ител взяла ключи.

– Сестре деньги передам вечером.

– Не обязательно сегодня.

– Обязательно.

На улице начался мелкий дождь. Ител направилась к причалам. К этому часу ветер стал сильнее, и гавань потемнела. На дальнем рейде двигался небольшой пароход, оставляя за собой дымный след. В порту зажигали первые фонари. Три зерновых судна всё ещё стояли на местах. За день она сумела получить один небольшой груз, обеспечить работой часть своих людей и договориться о чрезвычайной перевозке с вознаграждением, которого при исполнении договора хватило бы на несколько недель содержания гостиницы матери.

По любым привычным меркам день был удачным. Только теперь Ител всё меньше хотелось возвращаться домой.

У конторы её ожидал посыльный с запечатанным пакетом Комиссии. Внутри лежали уточнённое поручение и сведения о грузе. Все необходимые подписи имелись. Склад отправления был указан, получатель тоже. Право на передачу подтверждалось отдельным распоряжением. Веса и числа мест хватало, чтобы задействовать две баржи вместо одной. Она быстро просмотрела документы и остановилась на последнем листе. Разрешение на срочную перевозку было зарегистрировано вчера. Ител проверила дату ещё раз. Потом посмотрела на время, указанное в журнале исходящих поручений.

Поручение зарегистрировали ещё до её утреннего разговора с Эссеном. Когда именно Комиссия узнала о новых требованиях торгового дома, из этой даты не следовало.

Само по себе это ещё ничего не доказывало. Иностранный торговый дом мог предупредить Комиссию заранее. Чиновники могли готовить резервный порядок расчёта, не дожидаясь окончательного решения. В Сарене каждый день происходили десятки операций, о которых большинство участников узнавали лишь тогда, когда их приглашали поставить подпись.

Но Ител не понравилось другое. Кто-то ещё вчера был настолько уверен, что скоро понадобится металл, что успел подготовить перевозку, выбрать хранилище и получить разрешения. И всё же сегодня утром зерновые суда продолжали стоять, а порт ждал представителя Комиссии, который так и не пришёл. Ител медленно сложила бумаги и убрала их во внутренний карман.

Сначала нужно было проверить склад и баржи. Потом получить плату. И только после этого решать, сколько вопросов она готова задать людям, которые так дорого заплатили за её услуги.

Она вышла к причалу. Ветер с моря донёс запах сырого зерна, угля и мокрых канатов. На одном из иностранных судов зажглись огни. У трапа по-прежнему стоял часовой. Ител остановилась возле штабеля пустых ящиков.

Утром она думала, что зарабатывает на чужой осторожности. К вечеру стало ясно: кто-то заплатил ей за собственную спешку. И она ещё не знала, чего именно этот человек боялся не успеть.

Глава 4. Цена молчания

Папка, которую принесли Севиру Корду из Статистического управления, была тонкой. Для хороших известий обычно не требовалось отдельного заключения, и заместитель председателя Комиссии внешней торговли понял это раньше, чем посетитель успел заговорить.

В пятьдесят один год Севир уже не надеялся заставить ведомства сообщать неприятности вовремя. Гораздо важнее было выяснить, кто и зачем решил поделиться ими именно сегодня.

У плохих известий имелось неприятное свойство. Стоило произнести их вслух, как они переставали быть делом одного ведомства и становились обязанностью всех остальных. А обязанности, в отличие от полномочий, никто не любил получать без предупреждения.

Поэтому утро началось не с известия, а с просьбы.

– Мне необходимо ваше заключение до полудня, – сказал человек из Статистического управления.

Он стоял перед столом Корда в застёгнутом на все пуговицы сером сюртуке. Под мышкой у него находилась плоская кожаная папка, а на лице застыло выражение чиновника, которому поручили передать неприятность, не делая её своей. Севир не предложил ему сесть.

– Заключение о чём?

– О порядке обнародования предварительных показателей.

– Каких?

Посетитель замялся. Севир протянул руку, и тот наконец положил папку на стол. На обложке стояли два грифа. Первый означал, что документ предназначался только для ограниченного круга должностных лиц. Второй – что сведения могли повлиять на внешнеторговые обязательства Республики. Севир посмотрел на второй гриф дольше, чем требовалось для чтения.

– Кто ещё получил?

– Председатель Совета, Казначейство, Государственный счёт и наше управление.

– Военные?

– Согласно перечню рассылки – нет.

– Хорошо. Теперь расскажите, что в папке.

– Предварительная оценка урожая.

– Я умею читать заголовки.

Чиновник сглотнул.

– Оценка ниже плановой.

– Насколько?

– Существенно.

Севир открыл папку. В первой таблице всё выглядело пристойно. Посевные площади, средняя урожайность, ожидаемый сбор по округам. Рядом – прошлогодние показатели и утверждённые значения текущего года. Цифры занимали ровные колонки, будто от аккуратности их расположения могло зависеть количество зерна в амбарах.

Он перевернул страницу. Там находился второй расчёт, выполненный с учётом последних сведений с юга. Несколько округов сократили ожидаемый сбор. Другие оставили первоначальные показатели, снабдив их длинными примечаниями о погоде, сроках уборки и повреждениях посевов. В одном округе прогноз вообще не был пересмотрен: местная администрация сообщала, что оснований для изменения утверждённой оценки не имеется. Севир остановился на этой строке.

– У них дождей не было?

– Были.

– Поля пострадали?

– По сообщениям агрономов, да.

– Почему тогда оценка не изменилась?

– Окружное управление считает, что последствия ещё можно компенсировать.

– Чем?

– Это не уточняется.

Севир закрыл глаза на несколько мгновений. За окном проехала телега, гружённая кирпичом. Колёса тяжело простучали по мостовой, затем шум стих.

– Вы верите в этот расчёт?

– Я не уполномочен давать оценку достоверности отдельных окружных сведений.

– Тогда зачем вы ко мне пришли?

– Чтобы получить заключение о порядке обнародования.

Севир поднял голову.

– Вы хотите, чтобы я подписал ваше решение.

– Управление полагает необходимым согласовать его с Комиссией.

– Нет. Управление полагает необходимым, чтобы в случае неприятностей моя подпись стояла рядом с вашей. Это разные вещи.

Посетитель покраснел. Севир указал на стул.

– Теперь садитесь. Поговорим о том, что происходит на самом деле.

Он развернул к себе последнюю страницу, на которой находились не цифры, а выводы. Их составлял кто-то осторожный, образованный и достаточно опытный, чтобы избегать прямых утверждений.

«При сохранении наблюдаемых тенденций потребуется увеличение внешних закупок продовольственного зерна, пересмотр экспортных обязательств и дополнительное привлечение расчётных средств».

Ниже стояло замечание: «Публикация прогнозных сведений до утверждения соответствующих мер может вызвать неблагоприятную реакцию торговых партнёров». Севир подчеркнул последнюю строку.

– Вот это уже ближе к делу.

Он достал чистый лист и начал считать.

Если урожай окажется таким, каким его теперь ожидали, Республика сможет обеспечить население хлебом лишь при изменении привычного порядка снабжения. Часть экспортных обязательств придётся сократить, хотя многие из них уже были связаны с оплатой оборудования, лекарств и сырья. Недостающее зерно понадобится купить за границей. Его потребуется доставить, выгрузить, перевезти по железным дорогам и распределить между городами, предприятиями и военными складами. Каждый из этих шагов имел цену. Хуже было другое: все они требовали времени. Время же нельзя было занять в Казначействе, изъять у богатых или получить под государственную гарантию. Севир посмотрел на чиновника.

– Составьте отдельную записку о расхождениях окружных прогнозов. С указанием источников и времени их получения. Без выводов о виновных, без предложений о дисциплинарных мерах. Мне нужны сведения, по которым можно принимать решения.

– Для этого потребуется запросить уточнения.

– Запрашивайте немедленно. Заключение о публикации я подготовлю сам.

Когда посетитель ушёл, Севир написал сверху чистого листа: «Необходимые первоочередные меры». Некоторое время он смотрел на эти слова, затем перечеркнул последнее. Внизу появилось: «Меры, которые ещё возможно осуществить». Это было точнее.

К десяти часам в кабинете собрались четверо. Представитель Казначейства принёс сведения о предстоящих платежах. Человек из Управления снабжения – список городов, зависевших от южного зерна. Секретарь Комиссии разложил международные договоры. Последним

прибыл советник председателя Совета Республики, который не принёс ничего, кроме полномочия слушать и сообщать услышанное.

Такие люди раздражали Севира сильнее остальных. Они редко принимали решения, зато всегда знали, кто именно их принял.

– Начнём с хлеба, – сказал он.

Представитель снабжения раскрыл толстую ведомость.

– Без окончательного подтверждения урожая мы не можем определить точный объём дополнительных закупок.

– Дайте диапазон. Нижнюю границу – исходя из уже подтверждённых потерь, верхнюю – с учётом неблагоприятного развития событий.

– Его придётся согласовать со Статистическим управлением.

– Оно сейчас занято согласованием со мной. Надеюсь, этого достаточно, чтобы вы начали считать.

После недолгого обсуждения диапазон всё-таки назвали. Он оказался неприятным. Севир записал его и попросил уточнить, какая часть потребности должна быть покрыта до открытия основных внутренних перевозок нового урожая. После второго ответа цифра уменьшилась, но приобрела гораздо более грозное значение.

Всё зерно, которое Республика теоретически могла купить, ещё не являлось зерном, которое она могла получить вовремя.

– Теперь оплата, – сказал Севир.

Казначей перечислил действующие расчётные соглашения, предстоящие платежи, ожидаемые экспортные поступления и способы дополнительного обеспечения. Ни один из них пока не давал ответа на главный вопрос.

– Сколько свободных средств?

– Это зависит от порядка использования.

– Сколько мы можем направить на закупки без нового решения Совета и без нарушения уже принятых обязательств?

Казначей наконец назвал сумму. Она покрывала лишь часть первоначальных поставок. Севир не удивился. Достаточно было посмотреть на три года внешнеторговых отчётов, чтобы понять, насколько Республика привыкла оплачивать сегодняшние потребности завтрашними поступлениями.

– Дополнительный кредит?

– Потребует обеспечения. Металл, экспортные поступления, определённые государственные активы. Возможен смешанный состав.

– Сколько металла подтверждено как свободное от обязательств?

– Данные уточняются.

– Где?

– В Казначействе и Государственном счёте. Часть позиций находится в ведении Государственного резерва.

Севир сделал пометку на полях. Он не считал задержку признаком преступления. Государственное имущество находилось в распоряжении разных учреждений, и определение «свободно» в торговом договоре далеко не всегда совпадало с определением «имеется» в складской ведомости. Но сейчас это различие могло стоить им целого сезона.

– Мне нужен перечень по каждой предполагаемой сделке, – сказал он. – Что имеется физически, чем уже обременено, что только ожидается к поступлению. Общую стоимость государственного имущества оставьте для годового доклада.

– Сегодня мы такой перечень не подготовим.

– Тогда подтвердите доступную часть. Спорные позиции выделите отдельно.

Казначей хотел возразить, но Севир остановил его движением руки.

– И подпишите собственное заключение. Не заключение моей Комиссии, подготовленное по вашим сведениям. Ваше.

Советник председателя поднял глаза.

– Вы хотите разделить ответственность?

– Я хочу сохранить её там, где принимается каждое решение. Если Казначейство подтвердит обеспечение, мы сможем заключить договор. Если не подтвердит, мы не станем обещать чужое имущество. Это защищает и вас, и меня, и будущего кредитора.

Казначей помолчал.

– При таком порядке я смогу подтвердить лишь часть.

– Именно её мы и используем.

Севир повернулся к представителю снабжения.

– Теперь вы. Мне необходимы два перечня: поставки, без которых распределение хлеба нарушится в ближайшее время, и поставки, которые можно отложить. По городам, не по ведомствам.

– Военные потребуют учитывать их первыми.

– У военных есть собственные резервы и право представить обоснование особых потребностей. Я не собираюсь распоряжаться ими заочно. Но и гражданские города не должны исчезнуть из ваших расчётов только потому, что их жители не носят форму.

– Без согласования с военным руководством…

– Направьте им расчёт одновременно с представлением в Комиссию. Не последовательными письмами, на которые каждый станет отвечать неделю, а сразу всем, кто отвечает за снабжение. Возражения принимаются с цифрами.

Советник председателя наконец вмешался:

– Вы предлагаете пересмотреть приоритеты распределения?

– Нет. Я предлагаю впервые сопоставить последствия существующих приоритетов. Пересматривать их будет Совет.

– Но тем самым вы создаёте основание для пересмотра.

– Конечно. Для этого и существует государственное управление.

Советник сделал запись. Севир заметил, что на этот раз тот записал его слова полностью.

Затем они перешли к иностранным поставщикам. Два зерновых дома Тиренской Лиги были готовы обсуждать дополнительные объёмы, но требовали обеспечения. Третий соглашался удержать прежнюю цену до конца следующего дня при условии подтверждения платежа. Остальные не отвечали.

– Если мы сообщим о масштабах нашей потребности, цена вырастет, – сказал секретарь Комиссии.

– Вероятно. Поэтому сначала подтвердим то, что можем оплатить, и получим письменные условия по остальному.

– Но решения о закупках на таких условиях потребуют политической поддержки. Комиссия не сможет самостоятельно изменить порядок использования средств.

Севир кивнул. Именно к этому вопросу он и подводил разговор.

– Я внесу председателю Совета единый пакет. Снабжение определяет необходимые объёмы и сроки. Казначейство подтверждает обеспечение. Комиссия отвечает за переговоры и договоры. Совет принимает решение о дополнительных полномочиях и порядке опубликования сведений.

– В обычном порядке такое решение займёт несколько дней, – заметил советник.

– Значит, вам придётся убедить председателя рассмотреть его сегодня.

– Не уверен, что он согласится.

– Передайте, что альтернатива – дождаться, пока иностранные поставщики сами назначат нам цену.

Севир взял проект статистического сообщения. Текст был составлен заранее. Там говорилось о ходе сельскохозяйственных работ, трудностях отдельных округов и принимаемых мерах по обеспечению устойчивости снабжения. Ни одно предложение не содержало прямой лжи. Но ни одно не сообщало читателю о том, что государство уже готовится покупать хлеб за границей.

Севир отложил бумагу.

– Подготовьте решение о временном ограничении публикации сводного прогноза. На сорок восемь часов, с обязательным пересмотром завтра вечером.

Советник председателя медленно положил карандаш.

– Вы предлагаете скрыть сведения о неурожае?

– Я предлагаю сначала закрепить условия первых закупок. Если объявить о дефиците сейчас, мы рискуем получить одновременно рост внешних цен, увеличение внутренних закупок впрок и сокращение предложения зерна на местных рынках.

– Вас обвинят в сокрытии информации.

– Обязательно. Поэтому распоряжение будет письменным, с конкретным сроком и целью. Я лично представлю его председателю.

Представитель снабжения поднял голову.

– А окружные сведения? Без них мы не сможем планировать перевозки.

– Передавайте их без задержек всем, кто отвечает за снабжение, транспорт и проверку запасов. Ограничение касается общего публичного сообщения. Я не предлагаю ослепить собственные учреждения.

Советник продолжал смотреть на него.

– Если председатель подпишет, ответственность будет его.

– Политическая – да. За исполнение торговых решений отвечу я. За подтверждение средств – Казначейство. За достоверность урожайных данных – те, кто их составляет и проверяет.

– Очень удобное распределение.

Севир посмотрел на него.

– Оно удобнее общего согласия, после которого никто не может объяснить, кто что разрешил.

На этом совещание закончилось. Чиновники разошлись с поручениями, каждое из которых по отдельности выглядело разумным. Севир остался один и некоторое время смотрел на пустые стулья.

У Севира появился пакет для Совета: каждому ведомству досталась проверяемая часть общей задачи. Отступить от неё теперь можно было только письменно. Зерна это не прибавляло, но лишало участников удобной возможности сослаться на общий протокол.

Вален Рем принял его после полудня. Председатель Совета Республики не любил заседать за большим столом. Большой стол требовал большого числа людей, а большое число людей, по его наблюдениям, неизменно уменьшало количество полезных мыслей. Поэтому Севир застал его в небольшом кабинете за боковым крылом здания Совета, среди карт, газет и нескольких неприбранных чашек.

На стене висел портрет Билгама Ферра. Художник изобразил его уже пожилым, с тяжёлым взглядом и руками человека, привыкшего отдавать распоряжения. Севир однажды видел ранний портрет Ферра и находил, что тот гораздо больше походил на живого человека. На поздних изображениях Ферр приобрёл неприятную способность выглядеть правым независимо от того, что происходило вокруг.

Рем читал записку, которую Севир отправил ему часом раньше.

– Двое суток, – произнёс председатель.

– Не больше.

– Пока не больше. Срок пересмотра и срок прекращения – разные вещи.

Севир сел напротив.

– Мне нужны два дня для заключения первых договоров. Если завтра поставщики увидят официальное признание неурожая, они потребуют больше денег за тот же товар. Если его услышат наши торговцы, часть запасов придержат в ожидании новых цен.

Рем отложил записку.

– А если иностранные поставщики уже всё знают?

– Тогда наша переговорная позиция хуже, чем я рассчитываю. Но пока я не вижу оснований объявлять дополнительный спрос всем одновременно.

– Значит, решающим обстоятельством становится не урожай, а скорость распространения сведений?

– В ближайшие сорок восемь часов – да.

Председатель долго смотрел на него.

– Меня беспокоит не сама задержка. Бывают обстоятельства, когда публикация сведений действительно должна быть согласована с действиями правительства. Меня беспокоит, что мы уже несколько лет считаем исключительные обстоятельства достаточным объяснением почти для всего.

– Я не отвечал за все прежние решения.

– Конечно. Но сейчас предлагаете своё.

Севир почувствовал раздражение, хотя знал, что председатель прав.

– Если мы признаем нехватку и ничего не предложим взамен, люди заплатят за нашу честность повышением цен. Если сначала получим зерно, положение будет другим.

– А если не получим?

– Тогда придётся признать ошибку и искать иные меры.

Рем встал и подошёл к окну. Во дворе Совета несколько рабочих разгружали с повозки деревянные ящики. Один спрыгнул на мостовую, едва не уронив груз, и получил от старшего короткий выговор. Затем все снова взялись за работу.

– Вы знаете, чего я опасаюсь? – спросил председатель.

– Что предложение окажется дороже, чем мы можем себе позволить.

– Нет. Через год нам могут показать сегодняшнее распоряжение и сказать: вот отсюда всё началось. И никто уже не вспомнит, что у нас были основания его подписать.

– Их можно зафиксировать.

– Бумага сохранит основания. Но она не сохранит обстоятельства, при которых мы могли бы поступить иначе.

Рем вернулся к столу и перечитал проект.

– Здесь сказано, что ограничения необходимы для обеспечения устойчивости снабжения. Устойчивость пока никем не доказана. Заменим формулировку.

Он взял карандаш, вычеркнул несколько слов и собственноручно приписал: «Не препятствовать передаче фактических сведений органам, отвечающим за снабжение, транспорт и государственный учёт». Потом поставил подпись.

– Через сорок восемь часов распоряжение прекращает действие. Продление – только новым решением Совета. Если переговоры провалятся раньше, вернётесь с докладом раньше. И ещё: я хочу получить расчёт, который покажет, какую цену мы действительно выиграли этой задержкой.

– Получите.

– Без стоимости наших добрых намерений.

Севир забрал лист.

– Разумеется.

Уже у двери председатель окликнул его:

– У вас есть достаточное обеспечение для закупок?

– Пока лишь для первой части.

– Тогда вы купили два дня, за которые можете ничего не успеть.

– Я понимаю.

– Не думаю, что понимаете до конца. Вы собираетесь просить у Казначейства имущество, которое оно не может уверенно назвать свободным. А снабженцы будут требовать хлеб, которого ещё никто не продал. При первой неудаче каждое ведомство начнёт доказывать, что действовало в пределах полномочий.

– Поэтому я принёс вам единый пакет, а не четыре ведомственные просьбы.

Рем посмотрел на него внимательнее.

– И кто поддержит вас, если придётся выбирать, кому не достанется зерно?

– Надеюсь, те, кто сегодня согласился отвечать за собственные расчёты.

– Очень слабая коалиция.

– Другой пока нет.

Председатель кивнул.

– Тогда занимайтесь ею. Договоры я подпишу, если обеспечение будет подтверждено. Но согласие с вашим решением не означает, что я собираюсь защищать любые последствия.

– Этого я и не прошу.

Рем отпустил его.

В коридоре Севир задержался у окна. Площадь перед Советом была заполнена людьми. У торговых рядов спорили о цене мяса, возле остановки конного трамвая дожидались своей очереди работники мастерских. На противоположной стороне улицы женщины в форменных платьях вели группу школьников к мемориалу строителям первой железной дороги Республики.

Севир смотрел на детей и думал о том, насколько странно устроена власть. Миллионы людей могли спокойно заниматься своими делами лишь потому, что несколько сотен других ежедневно принимали решения, о существовании которых большинство даже не подозревало. Но стоило первым перестать доверять вторым, как даже хорошее решение превращалось в подозрение.

На лестнице его догнал секретарь.

– Поступила срочная депеша из Сарена.

– Что случилось?

– Задержана выгрузка иностранных зерновых судов. Требуют дополнительного обеспечения расчётов.

– Сколько судов?

– Три. Подробные сведения есть по судну капитана Эссена. Девятьсот тридцать восемь целых и шесть десятых тонны зерна. Кроме того, насосные части, инструменты и двенадцать ящиков медицинского груза.

Севир остановился.

– Груз принадлежит нам?

– В части партий – по заключённым договорам. Но право выгрузки зависит от исполнения расчётных условий.

– Что уже выгрузили?

– По частному обеспечению согласован ограниченный выпуск насосных частей. Остальной груз, насколько следует из депеши, остаётся предметом спора.

– Кто предоставил обеспечение?

– Портовая посредница. Ител Сар. Сорок восемь медных листов, согласно приложению.

Севир просмотрел запись.

– А что с расчётным металлом по государственной линии?

– Комиссия направила поручение на срочную перевозку из хранилища к внешнему причалу. Исполнитель согласовал условия. Подтверждения завершённой перевозки пока нет.

– Кто составлял поручение?

– Внешнеторговый аппарат. Регистрационные сведения запросим отдельно.

Севир вернул депешу.

– Запросите. И передайте в Казначейство: никакие партии металла, направленные на исполнение действующих обязательств, не должны одновременно предлагаться в обеспечение новых закупок. Сначала сверка, потом договор.

Он не знал, почему портовая посредница предоставила свой металл в обеспечение небольшой поставки и на каких условиях взялась за срочную государственную перевозку. Это были разные сделки, и ни одна не решала общей проблемы: иностранные поставщики переставали доверять привычным государственным гарантиям.

Их недоверие опережало официальные решения Республики.

К вечеру Севир вернулся к Комиссии внешней торговли. В здании уже зажигали лампы. По коридорам ходили служащие с папками, курьеры приносили депеши, а в канцелярии постоянно стучали печати. Работа, обычно распределённая между несколькими днями, теперь пыталась уместиться в один.

На его столе лежали сведения о предстоящих платежах, проекты обращений к торговым домам Тиренской Лиги и перечень товаров, которые Республика рассчитывала получить в ближайшие месяцы. Среди них были зерно, лекарственные вещества, машинные детали, точные приборы и материалы, без которых останавливались отдельные производства. У каждого товара имелось ведомство, способное доказать, что именно он необходим прежде всего.

Севир отправил первые предложения иностранным торговым домам ещё до конца рабочего дня. По тем закупкам, которые можно было обеспечить, он потребовал немедленного письменного подтверждения цены и срока отгрузки. По остальным велел запросить условия отсроченного платежа и возможные виды залога.

Чтобы договоры не застряли между ведомствами, Севир одновременно запросил у Казначейства подтверждённый состав обеспечения, у Управления снабжения – первоочередные объёмы закупок, а Рему направил перечень решений, требующих полномочий Совета.

Самым трудным оказалось письмо военному руководству. Севир трижды менял его заключительную часть. Он не хотел создавать впечатление, что Комиссия намерена распоряжаться армейскими запасами, но не собирался и молчаливо соглашаться с тем, что гражданское снабжение получит всё оставшееся после удовлетворения военных заявок.

Наконец он остановился на предложении представить подтверждённую потребность армии в продовольственных перевозках на ближайший период, отдельно указав обязательные поставки и объёмы, сроки которых допускают изменение. Это была скромная просьба. Но Севир понимал, что даже она вызовет раздражение.

Запрос давал военным повод увидеть в действиях гражданской Комиссии покушение на их приоритеты. Севир не собирался такого покушения совершать, но и позволить одной стороне определять общую потребность без сопоставимых сведений не мог.

Он подписал письмо и вызвал секретаря.

– Отправить немедленно. Все ответы – завтра к полудню.

– Военные могут не успеть.

– Тогда пусть сообщат, что успели проверить.

– А если потребуют отдельного согласования?

– Назовите дату, когда Совет должен рассматривать вопрос о продовольственных закупках. И попросите объяснить, почему согласование нельзя завершить до неё.

Секретарь записал поручение.

– Есть ещё ответ Казначейства.

Севир взял лист. Указанные им позиции государственного обеспечения находились на дополнительной сверке. Подтверждение их свободного статуса до завершения проверки не

предоставлялось. Ниже стояла сухая служебная приписка: «Предлагается рассмотреть альтернативный состав обеспечения».

– Кто составлял?

Секретарь назвал должность.

– А кто проверял сведения о металле?

– Не указано.

Севир отложил лист.

– Передайте, что я прошу не заверять отсутствие обременений, которых они ещё не обнаружили. Мне нужно подтверждение по конкретным позициям. Если вещь нельзя заложить, потому что её уже заложили, пусть так и напишут.

– Думаете, такие позиции есть?

– Я думаю, что государство слишком давно распоряжается своими будущими поступлениями как сегодняшними деньгами. Сколько из этих поступлений действительно свободно, мы ещё не установили.

Он не стал объяснять дальше. В отличие от многих чиновников, Севир не считал всякую неточность доказательством преступного замысла. Большие учреждения могли годами ошибаться самым добросовестным образом. Когда же ошибка становилась привычной, её начинали защищать с искренностью, недоступной обыкновенным мошенникам.

Несколько лет назад он сам участвовал в заключении договора, позволившего Республике получить необходимые промышленные поставки под государственное обеспечение. Тогда сделка казалась образцом разумной политики. Вместо сокращения важных закупок они использовали активы, которые не должны были понадобиться в ближайшее время.

Без того кредита не удалось бы вовремя завершить реконструкцию заводов, закупить оборудование и сохранить рабочие места. Результат был настоящим. Заводы работали, производили машины, платили людям жалованье. Настоящим оказалось и обязательство, которое теперь ограничивало возможность нового займа.

Севир достал копию прежнего соглашения и быстро просмотрел приложения. Под одним из заключений стояла его собственная подпись. Он помнил обсуждение в Совете, возражения Казначейства и долгие переговоры об обеспечении. Тогда он сумел убедить большинство, что выгоды соглашения перевешивают риски. Возможно, и сейчас сумел бы повторить эти доводы. В своё время они были верными.

Но чужое зерно нельзя было купить воспоминанием о прошлых успехах. Он закрыл папку.

– На сегодня достаточно, – сказал он секретарю. – Подготовьте все ответы к утру. И никому не поручайте составлять общий благополучный вывод, пока мы не получим отдельные подтверждения.

Когда Севир вышел из здания, на улице уже темнело. Над крышами висел тяжёлый осенний воздух, пахло углём и мокрой штукатуркой. У дверей общественной столовой ещё стояли люди. Через открытое окно раздавался звон посуды, и женщина за стойкой громко убеждала посетителя, что добавки сегодня не предусмотрено.

Севир остановился на мгновение. Он хорошо помнил продовольственные трудности, пережитые в молодости. Тогда беда началась не с пустых лавок, а с разговоров о том, что лавки скоро опустеют. Потом появились очереди. Затем – люди, которые уверяли, что очередей нет, поскольку распределение производится в установленном порядке.

Его мать умерла в ту зиму. Не от голода, как обычно говорили о подобных временах, а от болезни, которую ослабевший организм не смог перенести. Врач тогда сказал, что исход мог быть иным при достаточном питании и своевременном лечении.

Севир до сих пор не знал, какая часть этих слов была медицинским заключением, а какая – попыткой утешить сына. Он продолжил путь.

Дома его ждала дочь. Вестра сидела за кухонным столом и чистила яблоко маленьким ножом. На ней ещё оставалось больничное платье под распахнутым пальто. Увидев отца, она подняла голову.

– Поздно.

– Раньше обычного.

– Значит, обычное у тебя совсем плохое.

Севир повесил сюртук и подошёл к столу. Вестра придвинула к нему тарелку. На ней лежали хлеб, немного сыра и варёная картошка.

– Ты ела?

– В больнице.

Он сел.

– Как работа?

– Сегодня отказали в выдаче двух лекарств. Одно заменили, второе заменить нечем. Закупочное управление прислало новые нормы. По некоторым препаратам теперь требуется дополнительное разрешение.

– Это может быть временная мера.

– Возможно.

Вестра отложила нож и вытерла руки.

– Я попросила заведующего отделением составить общий перечень отказов за последнюю неделю. С указанием больных, назначений и причин, по которым препараты не были выданы.

– Для чего?

– Чтобы было видно, сколько случаев мы уже не можем лечить прежним способом.

– Разумно. Но если часть лекарств поступит в ближайшее время, картина изменится.

– Поэтому мы будем обновлять перечень.

Севир взглянул на дочь с неожиданным интересом.

– Кто согласился подписать?

– Пока трое врачей. Остальные опасаются, что их обвинят в неправильном расходовании запасов.

– А заведующий?

– Предложил ограничиться обычной сводкой.

– Почему?

– В ней все показатели выглядят лучше.

Она не повысила голоса. Севир отломил хлеб, но есть не стал.

– Если вы начнёте направлять подобные бумаги самостоятельно, начальство может посчитать это нарушением порядка.

– Мы направим их установленным порядком. Врачебная комиссия должна рассмотреть случаи, когда лечение невозможно провести из-за отсутствия необходимых средств. Это её обязанность.

– Ты уверена?

– Я проверила положение.

Севир положил хлеб обратно на тарелку. Вестра заметила движение.

– Не нужно ничего устраивать для меня, отец.

– Я ничего не предлагаю.

– Ты уже думаешь, кому позвонить.

Он невольно улыбнулся.

– Профессиональная привычка.

– Если позвонить ради одного отделения, лекарства заберут у другого. Мне не нужно особое снабжение. Я хочу, чтобы причины отказов хотя бы учитывали.

Севир некоторое время молчал.

– Ты понимаешь, что ваша сводка может вызвать служебную проверку?

– Понимаю.

– И что в ней могут попытаться обвинить самих врачей?

– Поэтому мы собираем назначения и подписи. Если не будет документов, всё закончится разговорами.

Он посмотрел на её руки. На указательном пальце виднелась свежая царапина, возле ногтя въелось тёмное пятно от чернил. Вестра продолжила чистить яблоко.

– Сегодня старший врач попросил меня объяснить женщине, почему её сыну нельзя назначить средство, которое ещё неделю назад назначали без споров. Не потому, что ему не нужно. Просто у нас осталось слишком мало.

– Должны поступить новые партии.

– Когда?

– Я не могу назвать дату.

– Вот и я не смогла.

Она говорила спокойно, не пытаясь вызвать у него чувство вины. Севиру было бы легче, если бы она рассердилась.

– Мы работаем над закупками, – сказал он.

– Знаю.

– И есть основания рассчитывать на дополнительные поставки.

– Тогда добейтесь, чтобы они дошли до больниц.

Вестра встала, забрала пустую тарелку и отнесла её к раковине. Севир наблюдал за ней. В молодости он думал, что люди, обладающие властью, хотя бы дома будут свободны от необходимости объяснять свои решения. Оказалось наоборот. В учреждении достаточно было сослаться на полномочия. Дома приходилось находить причины, которым верили без печати.

– Вестра.

– Что?

– Если ваша комиссия подготовит заключение, его стоит направить не только в закупочное управление, но и туда, где планируют потребности медицинских учреждений. Иначе сведения могут остаться внутри той же службы, решения которой вы проверяете.

Она обернулась.

– Это ты сейчас как отец говоришь или как заместитель председателя Комиссии?

– Как человек, которому часто приходится читать бумаги, не дошедшие до нужного адресата.

– Тогда посоветуй, как оформить сопроводительное письмо.

– Завтра посмотрим.

Вестра кивнула. Это был первый за вечер вопрос, на который он сумел ответить без оговорок.

Позднее, когда дочь ушла спать, Севир ещё долго сидел у окна. Из соседнего дома доносились приглушённые голоса. По улице прошли двое рабочих с пустой тележкой. В окне напротив женщина зашивала детскую одежду, склонившись над лампой.

Севир понимал разницу между двухдневной задержкой публикации и многолетним нежеланием замечать новые сведения. Но пока эта разница держалась на подписи Рема и установленном сроке. Намерения сами по себе её не сохранят.

Он достал записную книжку. В ней уже стояли три условия, без которых завтрашние переговоры теряли смысл: подтверждённый объём зерна, допустимое обеспечение, срок фактической поставки.

Рядом он написал четвёртое:

«Сохранить контроль над сроком публикации».

Затем закрыл книжку.

Когда срок ограничения истечёт, сводный прогноз придётся обнародовать. Севиру хотелось верить, что за оставшееся время он сумеет сделать эту правду немного менее опасной.

На следующее утро Ирам Тир попросил о встрече. Извещение пришло через торговое представительство Тиренской Лиги. Оно было составлено на безупречном официальном языке и содержало достаточно любезностей, чтобы не вызвать подозрения у человека, который никогда не занимался внешней торговлей.

Севир занимался ею больше двадцати лет. Поэтому он сразу заметил неприятное.

В письме не говорилось об исполнении существующих договоров, задержке судов или расчётных обязательствах. Представитель Лиги просил обсудить дополнительные условия поставок «в связи с изменившимися обстоятельствами урожая».

Севир прочитал эту фразу трижды. Затем посмотрел на дату. Письмо было составлено накануне вечером, до получения официального запроса Комиссии.

До публикации прогноза оставалось больше суток. Последняя сводная оценка ещё не рассылалась за пределы ограниченного круга государственных учреждений.

Он вызвал секретаря.

– Когда поступило?

– Сегодня утром, с первой доставкой.

– Кто ещё получил копию?

– Согласно отметке представительства, только наша Комиссия.

– Назначьте встречу на одиннадцать. Без расширенного состава. Останетесь вы и я.

– Какие материалы подготовить?

– Действующие договоры с Лигой, обязательства по ближайшим поставкам и сведения о задержанных судах в Сарене. Только подтверждённые.

– А прогноз?

– Прогноза у нас для господина Тира нет.

Секретарь ушёл. Севир не считал письмо доказательством утечки: торговые дома располагали собственными сведениями о погоде, урожае и перевозках, иногда более точными, чем официальные.

Но точность выбранного момента ему не понравилась. И ещё меньше понравилось, что иностранный представитель решил начать разговор сам. Обычно тот, кому требовался хлеб, просил встречи с тем, кто мог его продать. Теперь продавец пришёл раньше покупателя. В торговле подобное редко сулило выгоду последнему.

Ирам Тир появился ровно в одиннадцать. Это был высокий мужчина с густыми тёмными волосами, уже тронутыми сединой. На нём был простой, но дорогой сюртук. Манжеты выглядели так, будто их никогда не касалась грязь портовых складов, хотя значительная часть его богатства, по мнению Севира, происходила именно оттуда.

Ирам поклонился с той мерой уважения, которую иностранные представители обычно оставляли для людей, чьи подписи стоили дороже их должностей.

– Господин Корд. Благодарю, что приняли меня столь быстро.

– Вы просили срочную встречу. Было бы невежливо заставлять вас ждать, не узнав, что произошло.

– Надеюсь, ничего непоправимого.

– Приятно слышать. Я тоже на это надеюсь.

Они сели напротив друг друга. Секретарь разложил бумаги и отошёл к небольшому столу у двери. Ирам оглядел кабинет.

– У вас стало меньше картин.

– Я распорядился убрать две. Они мешали размещать документы.

– В Лиге считается, что красота помещений свидетельствует о достатке государства.

– У нас предпочитают судить о достатке по состоянию счетов.

– Разумное правило.

– Не всегда приятное.

Ирам улыбнулся. Севир предложил ему чай. Тот согласился, но к делу перешёл прежде, чем принесли чашки.

– Наши торговые дома обеспокоены положением на зерновом рынке.

– Что именно произошло?

– Мы получаем сведения о неблагоприятных условиях в южных земледельческих округах. Некоторые поставщики считают возможным существенное увеличение спроса со стороны вашей Республики.

Севир не изменился в лице.

– Южные округа занимают большую площадь. Погода там бывает разная.

– Несомненно.

– Пока наши ведомства не сообщали о необходимости чрезвычайных закупок.

– Я этого и не утверждал.

– Тогда что вы предлагаете?

Ирам осторожно поставил чашку.

– Лига заинтересована в сохранении добрых торговых отношений. Мы готовы рассмотреть дополнительные поставки зерна на условиях, позволяющих обеим сторонам избежать ненужных потрясений.

– Каковы условия?

– Нам потребуется уверенность в расчётах.

– Такая уверенность уже предусмотрена существующими соглашениями.

– К сожалению, практика последних дней заставила некоторые торговые дома пересмотреть отношение к государственным обязательствам.

Севир посмотрел на него.

– Вы говорите о Сарене?

– В том числе.

– Три судна задерживают выгрузку грузов, по которым существуют заключённые договоры. Это трудно назвать образцом добрых отношений.

– Капитаны исполняют условия, установленные владельцами грузов.

– Часть требований предъявлена после заключения сделок.

– Возникли вопросы к расчётному обеспечению.

Севир наклонился вперёд.

– Если у ваших торговых домов имеются конкретные претензии, представьте их письменно. Мы рассмотрим каждую. Но общие опасения не дают права произвольно изменять согласованные условия.

Ирам некоторое время изучал его лицо.

– Господин Корд, наши торговцы должны быть уверены, что обеспечение существует, доступно и не используется одновременно для исполнения других обязательств.

– Вы располагаете сведениями о нарушениях?

– Я располагаю сведениями об опасениях кредиторов.

– Это не одно и то же.

– Для продавца зерна разница иногда обнаруживается слишком поздно.

Севир медленно положил ладонь на стол. Последняя фраза была произнесена без угрозы. Именно поэтому она заслуживала внимания.

– Мы готовы подтвердить обеспечение тех сделок, по которым Казначейство завершило проверку, – сказал он. – Другие позиции не будут предлагаться до окончания сверки. Этого достаточно, чтобы урегулировать вопрос с уже задержанными грузами.

– Для части обязательств – возможно.

– Тогда начнём с них.

Ирам вынул из портфеля сложенный лист. На нём были указаны предварительные объёмы зерна, сроки отгрузки и несколько вариантов обеспечения. Предложенные объёмы были недостаточны для покрытия всей ожидаемой потребности Республики, но могли существенно облегчить первые месяцы. Цены превышали недавние предложения Лиги. Не настолько, чтобы назвать их разорительными, но достаточно, чтобы каждая дополнительная партия дорого обошлась Казначейству.

– Когда подготовлено? – спросил Севир.

– Вчера.

– До получения нашего запроса?

– Ваш официальный запрос поступил сегодня.

– Тогда на каком основании вы определили объёмы?

– По оценкам наших торговых домов.

– А цену?

– По их же оценкам.

Севир отложил лист.

– Прежде чем обсуждать цену, мне необходимо понять, кто гарантирует поставку и сохранится ли ваше предложение, если другие покупатели предложат больше.

– Мы готовы зафиксировать условия после согласования обеспечения.

– Вы представляете Лигу, господин Тир. Но решения об отгрузке принимают торговые дома. Мне недостаточно вашего обещания.

– Я уполномочен вести переговоры.

– Вести – несомненно. А обязать владельца зерна?

Ирам достал вторую бумагу.

– По первой партии – да.

Севир прочитал документ. На нём стояли подписи представителей двух торговых домов.

– Уже лучше.

Он вернулся к предложению.

– По первой партии сохраняем прежнюю цену и подтверждаем доступное обеспечение. По второй обсуждаем отсрочку платежа и срок, в течение которого цена не изменится. Остальные объёмы – после согласования поставщиков.

– Нам потребуется встречное обеспечение второй партии.

– Казначейство представит перечень допустимых активов после проверки.

– Боюсь, этого недостаточно.

– Тогда сократим объём.

Ирам посмотрел на него с интересом.

– Вы готовы отказаться от зерна?

– Я не могу заключать договор, который Республика заведомо не сможет исполнить. Ни вам, ни нам это не принесёт пользы.

– Даже если зерно понадобится вашей стране?

– Особенно в этом случае.

Севир не собирался состязаться с иностранцем в умении торговаться. Отдельная партия, возможно, стоила уступки в цене. Но если ради неё пришлось бы признать непроверенное обеспечение или дать кредиторам право распоряжаться иными государственными активами, последствия быстро вышли бы за пределы внешней торговли.

Он мог заставить Казначейство принять чужой риск. Мог убедить председателя Совета поставить подпись под дополнительными обязательствами. Но затем именно ему пришлось бы искать поддержку, когда торговые дома потребовали бы исполнения.

Поэтому он предложил иной порядок: сначала согласованные и обеспеченные поставки, затем ограниченное по сроку предложение по дополнительным объёмам, после чего – отдельное рассмотрение нового кредита.

Ирам не согласился сразу. Они обсудили право задерживать груз, сроки подтверждения платежей, обязательства сторон при изменении стоимости перевозки и порядок урегулирования претензий по уже заключённым договорам.

В конце концов Лига согласилась сохранить прежнюю цену на ограниченный дополнительный объём при условии своевременного подтверждения оплаты. По следующей партии поставщики предоставляли срок для принятия решения. Остальные вопросы оставались открытыми.

Это не было победой. Но Севир получил главное: предложение с определённым сроком действия, которое можно было представить председателю Совета и Казначейству. Теперь при отказе любого ведомства причина задержки должна была получить письменное объяснение.

Когда секретарь начал собирать бумаги, Ирам вдруг спросил:

– Могу я задать вам вопрос, не относящийся непосредственно к переговорам?

– Пожалуйста.

– Ваша Республика собирается пересматривать порядок публикации сельскохозяйственных сведений?

Севир почувствовал, как раздражение, которое он удерживал на протяжении всей встречи, сменилось холодным вниманием.

– С чего вы взяли?

– Некоторые участники рынка считают, что официальная отчётность стала менее своевременной.

– Участники рынка редко довольны отчётностью, если она не помогает им заработать.

– И всё же?

– Порядок публикации определяется законами Республики.

– Разумеется.

Ирам поднялся.

– Тогда будем надеяться, что ваши ведомства вскоре представят достаточно хорошие новости.

Севир тоже встал.

– Надеяться можно на что угодно. Я предпочитаю иметь дело с тем, что подтверждено.

Они обменялись рукопожатием. У двери Ирам остановился.

– Кстати, господин Корд. Наши торговцы давно замечают, что государствам иногда выгодно откладывать неприятные объявления. Но рынку редко требуется разрешение, чтобы узнать о неурожае.

Севир посмотрел ему прямо в глаза.

– А вашим торговцам редко требуется неурожай, чтобы поднять цены.

Ирам улыбнулся.

– Поэтому мы с вами и нужны друг другу.

Когда дверь закрылась, Севир некоторое время оставался стоять. Затем подошёл к окну и посмотрел на площадь.

Севир добился нескольких условий, которые ещё вчера казались недостижимыми. Но Лига уже знала достаточно, чтобы торговаться с Республикой как с нуждающимся покупателем. Насколько точны её сведения и откуда они получены, оставалось неясным.

Севир вернулся к столу, взял предложение Ирама и положил рядом закрытый прогноз урожая. Оба документа относились к одному и тому же будущему. Только составлены были людьми, которые не должны были располагать одинаковыми сведениями.

В письме Тира не было прямого указания на закрытые сведения. За неблагоприятной погодой могли следить и иностранные торговцы; задержка судов прежде всего говорила о недоверии кредиторов.

Однако предложение Лиги появилось раньше официального запроса Республики. Севиру предстояло выяснить, откуда возникла такая уверенность в нуждах покупателя.

Он позвонил в колокольчик. Вошёл секретарь.

– Подготовьте сведения о том, кто имел доступ к последним оценкам урожая до направления в Совет.

– Всех получателей?

– Всех, кто указан в рассылке. И уточните, какие данные передавались торговым представительствам раньше.

– Вы предполагаете утечку?

– Я пока ничего не предполагаю. Нам нужно выяснить, какие сведения могли получить торговцы законным путём, а какие не могли.

– Передать запрос в Управление V?

– Пока нет.

– Почему?

– Если сведения получены из открытых сообщений, Управление нам не понадобится. Если были переданы закрытые данные, сначала установим, какие именно. Иначе мы получим расследование без предмета.

Секретарь записал поручение.

– И ещё одно, – добавил Севир. – Проверьте, кто подготовил первичные предложения по расчётному металлу для Сарена и в каком порядке они согласовывались. Отдельно от переговоров с Лигой. Мне нужны даты, регистрационные отметки и основания. В том числе время оформления поручения на перевозку.

– Это связано с прогнозом?

– Не знаю. Поэтому и прошу проверить.

Когда секретарь вышел, Севир достал подписанное накануне распоряжение председателя Совета. До окончания срока ограничения публикации оставалось больше суток.

Он мог уже сейчас предложить Рему отменить решение. Признать, что одно из оснований для задержки оказалось ненадёжным: иностранные торговые дома, вероятно, уже располагали сведениями о неблагоприятном урожае.

Но условия по первой партии зерна ещё не были исполнены. Предложение по второй сохраняло силу ограниченное время. Казначейство не подтвердило состав обеспечения. Любое официальное объявление могло окончательно разрушить то немногое, что удалось получить на переговорах. Севир положил распоряжение обратно в папку. Он решил сохранить ограничение до следующего пересмотра.

Одновременно направил председателю Совета краткое сообщение о состоявшихся переговорах, трудностях с обеспечением и вероятном наличии у Тиренской Лиги сведений, полученных до официальной публикации прогноза.

Последнее предложение он написал собственноручно:

«Считаю необходимым сохранить действующее ограничение до установленного распоряжением срока прекращения. Вопрос о его досрочной отмене предлагаю рассмотреть после получения подтверждённых условий первых поставок. Независимо от этого прошу начать проверку своевременности и полноты передачи прогнозных сведений».

Он перечитал его. Всё было изложено точно. Ни одного ложного утверждения. Севир подписал документ и передал его секретарю.

– Председателю немедленно. С отметкой о вручении.

– Будет исполнено.

Оставшись один, он открыл старый том заключений о чрезвычайных хозяйственных мерах. Ему требовались сведения о прежних ограничениях торговли, но внимание привлёк раздел, посвящённый устройству государственного учёта. В нём описывались случаи, когда учреждения продолжали действовать на основании первоначальных оценок даже после поступления данных, требовавших их пересмотра.

Автор заключения использовал выражение, которое Севир помнил по занятиям много лет назад:

«Потеря обратной связи».

Тогда этот термин казался ему излишне отвлечённым. Слишком сложные слова для простой истины: если начальство не слушает тех, кто знает положение дел, рано или поздно начальство перестаёт понимать, чем управляет.

Теперь он прочитал абзац внимательнее. В старом заключении говорилось, что искажение сведений необязательно начинается с их подделки. Иногда учреждения получают достоверные данные, но откладывают изменение решений, рассчитывая сначала подготовить необходимые меры.

Севир не согласился с автором полностью. Между намеренным сокрытием ошибки и временным ограничением публичных сведений существовала разница, и временами она была существенной. Но он отметил страницу. К ней стоило вернуться после окончания переговоров.

В дверь постучали.

– Войдите.

Секретарь принёс несколько новых сообщений. Среди них находился предварительный ответ Статистического управления о положении в южных округах. Севир быстро просмотрел сводку. В большей части районов сведения уточнялись. По некоторым ожидалось сокращение сбора. Несколько окружных управлений ссылались на недостаток подтверждений и просили отсрочить окончательную оценку.

Напротив Латара по-прежнему стоял утверждённый показатель.

Без изменений.

Севир перевернул страницу и увидел приложенную телеграмму железнодорожного управления. Латарское отделение просило временно не направлять ранее предусмотренные дополнительные вагоны под вывоз зерна. Основанием называлось отсутствие подтверждённых партий к погрузке на установленные даты. При этом окружная администрация сохраняла прежний прогноз и сообщала, что оснований для его пересмотра нет.

Севир положил оба листа рядом. Само по себе отсутствие готовых к погрузке партий ещё не означало отсутствия зерна. Причина могла заключаться в задержке уборки, работе элеваторов, оформлении приёмных документов или десятке иных обстоятельств. Но если ожидаемый сбор оставался прежним, а подготовка к вывозу сокращалась, требовалось хотя бы установить причину.

– Кто согласовал изменение подачи вагонов? – спросил Севир.

– Транспортное управление получило заявку из Латара.

– Есть приложенное заключение о состоянии запасов?

– Нет. Только ссылка на необходимость уточнения сроков.

– Тогда почему это не отражено в общей сводке?

Секретарь просмотрел лист.

– Статистическое управление считает, что изменение графика погрузки не является основанием для пересмотра урожайного прогноза.

– Формально оно может быть право.

Севир взял карандаш и поставил рядом с названием провинции отметку.

– Направьте запрос о фактическом ходе уборки и наличии подтверждённых партий зерна. Отдельно – в Статистическое управление, Управление снабжения и транспортное ведомство.

Пусть каждый отвечает в пределах своих сведений. Все ответы передайте Государственному счёту.

– Сводный ответ подготовить?

– Нет. Пока не получим первичные данные, сводить нечего.

Секретарь кивнул.

– А информацию об отменённых вагонах направить председателю?

Севир немного подумал.

– Да. В приложении к сегодняшнему докладу. Без выводов о причинах. И проверьте, получил ли эту телеграмму Государственный счёт.

– Получил. Она есть в перечне транспортных сообщений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.